

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

ДИВА

Сергей Алексеев

Дива

«Алексеев Сергей»

2017

Алексеев С. Т.

Дива / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2017

«Поздним вечером Зарубин смотрел в дождливое окно и мечтал выбраться на природу – просто так, без всякого дела, даже без ружья, хотя бы ночь переночевать у костра. А для этого надо было придумать неотразимую руководством, причину срочной командировки...»

Содержание

1	5
2	17
3	26
4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Алексеев

Дива

1

Поздним вечером Зарубин смотрел в дождливое окно и мечтал выбраться на природу – просто так, без всякого дела, даже без ружья, хотя бы ночь переночевать у костра. А для этого надо было придумать неотразимую руководством, причину срочной командировки. Как на зло, тревожных сигналов с мест не поступало, если не считать, что всю страну заливали дожди и почти не оставалось надежд хотя бы несколько дней бабьего лета. А перед грядущей зимой так хотелось еще тепла, раздолья, яркого солнечного света, и это все при осенней спелости природы, когда яблоки трескаются от внутреннего напряжения, а груши изливаются нектаром. Но в это время года контора переходила почти на казарменное положение: даже съездить в выходные на дачу к друзьям требовалось высшее соизволение. Ко всему прочему, генеральный директор в разгар осеннего сезона охоты выпустил директиву – резко сократить на это время количество командировок сотрудников. Всем было понятно, зачем они придумывают неотложные дела, старательно рвутся в регионы и даже разыгрывают целые театральные мини-атюры, сговорившись с начальниками охотуправлений.

Два раза в месяц Зарубин заступал на оперативное дежурство, придуманное руководством вкупе со всеобщей милитаризацией Госохотконтроля. То есть, сидел на своем же рабочем месте, по приказу непременно в форменной одежде и с телефоном, который связывал напрямую с министром, а на столе лежала папочка – ему на доклад, обычно пустая. Впрочем, трубку тоже ни разу не приходилось снимать с аппарата, и это все означало, что дежурство проходит успешно, все вопросы решаются в оперативном порядке. За прошедшие два года было зафиксировано всего десятка три сообщений, в основном, о браконьерстве, либо превышении служебных полномочий работниками охотуправлений, отстреле особо опасных хищников – людоедов и ЧП из-за неосторожного обращения с оружием. Но случались и события, что называется, из ряда вон и подлежащие докладу на верх. В одном сообщалось, что в Якутии обнаружили настоящего реликтового ихтиозавра, попавшего в сети. Рыбаки поопасались выпутывать такую добычу из-за колючей чешуи, хотели вытащить вместе с сетью, однако на помощь из озерных глубин поднялся другой ихтиозавр – то ли самка, то ли мать. В одну минуту пленник был освобожден, а рыбакам осталась чешуя, рваная сеть и множество снимков, сделанных на телефоны. Правда, когда их начали изучать специалисты Госохотконтроля, сразу обратили внимание, что это не озеро, а большая река, скорее всего, Обь в нижнем течении. Сам же ихтиозавр на отдельных снимках очень уж напоминает крупную рыбу, ну а присланная колючая чешуя, величиной в полладони, несомненно осетровая. Во втором сообщении томский начальник управления докладывал о поимке дикого лигра, то есть, смесь льва и тигра, что в природе бывает в редчайших случаях. Будто бы эти хищники бежали из разных зоопарков, когда-то случайно забрели в лесостепные районы, некоторое время жили, каждый сам по себе, а потом встретились. И от долгих скитаний и одиночества страстно полюбили друг друга – так объяснялась причина столь необычного естественного скрещивания. В следствии чего львица благополучно зачала, разродилась двумя полосатыми лигрятами, и одного из них, якобы, случайно поймал местный фермер из Дубровки. Эти животные не знали страха перед человеком и всем звериным миром, но отличались миролюбием и более походили на огромных кошек. К сообщениям прикладывались фото и видеосъемка, прошедшие экспертизу учеными из Госохотконтроля.

Как выяснилось, оба сообщения дошли до адресата, а в последствии выяснилось, что все это удачные шутки дежурных. Генеральный директор Фефелов, будучи руководителем новым, не проверил информацию, попался на приколе и доложил министру. Говорят, тот обрадовался, что в мире есть еще что-то не познанное, не известное, таинственное, и расстроился, когда узнал про розыгрыш. Правда, шутники накаркали, и менее чем через год в новосибирском зоопарке первый лигр родился! Правда, там встреча львицы и тигра произошла по недосмотру обслуживающего персонала, который оправдывался тем, что любовь хищников возникла так же от тоски и одиночества. Мол, когда эти чувства переполняют душу, то даже люди способны творить чудеса и раздвигать толстые прутья клеток.

Безобидные, в общем-то, шутки тоскующих на дежурстве, сотрудников и легли в основу чиновничьей забавы. По предложению шефа для оперативных дежурных сделали еще одну папку, куда включали самые остроумные фантазии, основанные на охотничьих байках. Это чтобы от безделья не маялись на дежурстве, а творчески напрягали мозги. И учредили приз – лицензию на отстрел мамонта.

Зарубин сначала в подобных развлечениях участия не принимал, считая их признаком деградации: взрослые люди, госчиновники, доктора и кандидаты, занимались студенческими капустниками. Но когда сам и первым в конторе получил приз за самую невероятную байку, втянулся, вдохновился и держал уши топориком. А призовая история приключилась в костромской, по другим сведениям, в новгородской области, однако после публикации, заявку сделали еще несколько областей, в том числе, и вологодская. Сердобольные деревенские старушки, спасая кабанов в голодную снежную зиму, так прикармлили зверье, что теперь на территории сельского поселения, в границах, где охота запрещена, живет сто шестнадцать секачей и свиней, не считая сеголетков – сами учет вели, всем животным клички дали. В этой зоне покоя, в подполах заброшенных домов, в сараях и пустующих зерносушилках зимует до девяти крупных медведей, десятка полтора пестунов и добрая сотня барсуков. Отрыли себе берлоги, норы и спят! С каждым годом поголовье растет, звери приводят в деревню зимовать своих сородичей, а то и просто попавших в беду – так за кабаном приковылял волк, с капканом на лапе. Одна сердобольная бабулька пружины сжала с помощью ухвата, дуги развела, а зверь вынул лапу, спасительницу свою укусил до крови и удрал. Старушка два дня кровь унимала, на третий ее ток остановился, и вместе с ним отпали все нажитые болезни. А у пенсионерки их был целый букет, от радикулита и до болезни альцгеймера; тут же зубы начали расти! Решили, это не волк ее покусал – оборотень, какой-нибудь целитель-волшебник из телевизора.

Местный охотовед с ног сбился в поисках дичи, решил, у зверей началась повальная миграция и запросил дополнительное финансирование на проведение специальных исследований, чем, собственно, и должен был заниматься Госохотконтроль. Бабушки тем временем уже до губернатора дошли, просят овса, гороха на посевы, пару грузовиков кукурузы, вакцины, чтоб сделать прививки – картошку они сажают сами целыми гектарами. И еще несколько бочек испорченной селедки, которая хорошо восстанавливает флору кишечников оголодавшему зверью. Покупать все на свои, пенсий уже не хватает.

Эту невероятную, без особых преувеличений, историю Зарубин изложил в служебной записке и неожиданно получил лицензию на мамонта, оформленную в золотую рамку и за подписью министра. Оказалось, он возглавляет нелегальное жюри приколов, а секретари перепутали папки. В результате бабушки продолжают кормить зверье, писать жалобы, ждать помощи и теперь еще отбиваться от охотоведов, которые норовят выгнать зверье обратно в лес и составляют протоколы, налагая штрафы за незаконное использование объектов охоты, одомашнивание диких зверей или вовсе за браконьерство.

С той поры Зарубиным овладело тайное и страстное занятие – записывать охотничьи рассказы. А в Госохотконтроль они стекались со всей страны, правдивые, нелепые и загадочные, все в одну кучу. Каждая командировка приносила сюрприз и последующий успех. Как

госслужащему, Зарубину не полагалось публиковать служебные материалы в открытой прессе, сдерживала корпоративная этика, и он придумал себе псевдоним – Баешник. Так на вологодчине, где он вырос, называли рассказчиков или сказочников, сочиняющих бухтины – небывалые истории, сказки и анекдоты. Первую байку про старушек и кабанов он напечатал в охотничьем журнале и получил неожиданный успех. Пытливые читатели нашли несколько таких деревень, куда в голодную пору сбегается зверье и просит помощи у человека. Вторая публикация про пингвинов его только закрепила и вызвала новую волну читательского интереса. Но в том числе и шквал внутренних проверок в Госохотконтроле – откуда произошла утечка служебной информации.

И Зарубин с тех пор почувал себя чужим среди своих.

Третья публикация о поимке живой чупакабры и вовсе покорила читающую охотничью публику, особенно домохозяек. Начали слать денежные переводы, чтоб закупать для нее свежую кровь либо живых овец: гуманистические воззрения современников не подлежали никакому логическому осмыслению. И когда Зарубин обработал и опубликовал байку про лигра, точнее, про любовь львицы и тигра, понял, что почти созрел для более крупной литературной формы. И вообще захотелось в жизни чего-то значительного, вдруг остро и неотвязно почувствовалась тоска от одиночества, которой ранее у себя не замечал и даже гордился редкостным даром – ни разу не жениться и дожить до сорока. Охота собирать мелкие байки, улетучилась, претила некая вторичность: какой темы не коснешься, непременно всплывет старая притча, анекдот, либо чей-нибудь сказ. Самому же придумать захватывающую историю, не хватает опыта, и оставалось лишь мечтать об оригинальной и большой литературе, теребя страницы чужих книг, в том числе, Сабанеева.

Правда, втайне от сослуживцев и шефа он уже начал описывать внутреннюю жизнь чиновничьего аппарата Госохотконтроля, но почему-то получалась откровенная сатира, наполненная еще и саркастическим ядом. Зарубин понимал, что смеется и издевается над самим собой, и все-таки обнародовать свои сочинения никогда бы не решился, ибо это грозило немедленным разоблачением и увольнением. Не сказать, чтобы он зубами держался за свое место, однако оказаться на улице был не готов, статус работника министерского подразделения открывал большие возможности получать информацию, хорошую зарплату и возможность охоты в любом уголке страны, что ценилось Зарубиным более всего.

Он пребывал в состоянии тоскливой мечтательности, возможно, потому и показалось, будто генеральный директор не в двери вошел – с небес спустился. Фефелов редко заходил в кабинеты подчиненных, любил вызывать к себе, причем, даже не сам – через секретаршу, но оправдывал это служебным, ненавистным ему, этикетом, подчеркивая свой либерализм. Тут же явился собственной персоной, что случалось, когда требовалась неофициальная, научно обоснованная консультация, либо решение головоломной задачи. Например, избавиться от навешанной министерством, обязанности контролировать поголовье пингвинов. Сами пингины в Антарктиде существовали, их колонии жили в российской зоне ответственности, однако за численность и развитие этого вида фауны спросить было не с кого. Госохотконтроль был структурой новообразованной и сразу же по «чердачному» типу, то есть, высокопоставленной министерской свалкой, куда сносят все, что из-за государственных интересов выбросить невозможно.

Однако от всего этого была и польза: Зарубина командировали на Южный полюс! И он два месяца там отдыхал на станции, став в доску своим парнем в стаде пингвинов. Одна самка ему даже яйцо снесла и потом назойливо заставляла высидивать птенца, спрятав его в складках живота. Пришлось на морозе задирать одежду и показывать ей, что складок таких у него нету, Зарубин от природы был сухошавым и жилистым, и удивительно, пингвиниха это поняла. Яйцо пришлось спрятать в самое теплое место – подмышку. А она начала приносить ему рыбу и

требовать, чтоб ел сырой – откармливала. Через месяц у Зарубина подмышкой вылупился пингвиненок.

Про это он и опубликовал байку, которая сделала известным псевдоним Баешник, но сильно не понравилась руководству. Уличить в разглашении служебных секретов его не смогли, но подобных командировок лишили напрочь. Кто-то ехал в Африку, перенимать опыт контроля за охотничьими ресурсами, кто-то в Южную Америку, изучать организацию коммерческих охотничьих хозяйств, а Зарубин теперь сидел в Москве или раз в год навещался, к примеру, в Тамбовскую область, выяснять причины падения поголовья зайца-русака. Или вздрючить руководство охотуправления, где начали подпольную торговлю лицензиями на отстрел животных. Кроме общих надзорных задач Госохотконтроль выполнял функции тайной службы министра, поэтому его сотрудников, и особенно Фефелова, в регионах опасались, откровенно не любили, но вынуждены были подобострастно принимать на самом высоком уровне, изображая крайнюю степень гостеприимства.

В общем, такой внезапный визит шефа сулил нечто новое! Тем паче, в руках начальника была угловатая картонная коробка, грубо замотанная скотчем, и напоминающая мину террориста-смертника. Мечтательный вид Зарубина и его гражданский костюм шеф сразу заметил, но с учеными либеральничал и не наказывал за нарушение формы одежды. Существовала байка, будто его самого отняли от любимого занятия и посадили в кресло руководителя федерального уровня – то есть, якобы совершили насилие над свободолобивой романтической личностью, вытащив из грязи в князи.

– Ко мне обратился вологодский губернатор. – как-то рассеянно сообщил Фефелов. – У него там не совсем обычная проблема. В охотугодьях на реке Пижме завелся йети. Просит с ним разобраться, посоветуй, что можем сделать.

И ткнул пальцем в карту на стене. Зарубин ощутил приятный ветерок назревающей командировки, тем более в свою, родную область. Однако виду не показал: шеф не любил, когда перед ним излишне рьяно копытят землю.

– Мысль не новая. – определил он. – На приз не потянет.

Фефелов выругался, что делал редко:

– Натуральный йети, мать его... йети... Снежный человек! Без шуток.

Генеральный относился к своим сотрудникам с иронией и одновременной подчеркнутой уважительностью, поскольку добрая четверть его подчиненных были кандидатами и докторами, имели десятки научных работ, а у шефа – заочный биофак университета и много лет госслужбы, начальником областного охотуправления. Однако никакой ущербности от этого он не испытывал, напротив, все понимали: пожелай он остепениться, сделает это влегкую. Причем, диссертацию напишут и принесут сами подчиненные, но что их подкупало в начальнике – он этого упорно не хотел. По крайней мере, за два года совместной работы намерений не высказывал.

– Снежные барсы это по нашей части. – сразу попытался отбояриться Зарубин. – Но с человеками мы не работаем.

– И не придется, – заверил генеральный. – Ну, если только с одичавшими особями...

– С одичавшими пусть разбирается клиническая медицина.

– Ладно, назовем это чудище лешим. – нашелся Фефелов. – Игорь Сергеевич, как ты думаешь, наша контора имеет к ним отношение? Если это не фольклорный образ, а некое дикое существо? Живущее в лесу?

Зарубин понял, генеральный ищет вескую причину, дабы отфутболить губернатора и проблему со снежным человеком в какое-нибудь ведомство. А позволять это ему ни в коем случае нельзя – сорвется назревающая командировка!

– К лешим отношение имеет церковь. – поразмыслив, сказал он. – Вот и пошли туда вологодского губернатора.

– Погоди, а почему церковь?

– Потому что леший относится к отряду нечистой силы. И, наверное, к подклассу духов. Пусть изгоняют дьявольское отродье. У них там есть тысячелетний опыт, все средства и силы. Генеральный шутики понимал, но рассмеялся озабочено.

– Да, это было бы по адресу!... Тогда мы чем заниматься будем? Как блюсти охотничьи угоды? С кадиллом в руках?

– Я уже два года спрашиваю себя об этом. – угрюмо пробурчал Зарубин. – Чем мы занимаемся?

Фефелов отряхнулся от либерального и шутиwego вида.

– Ну, занимаемся мы государственным контролем, делом очень важным. И отделаться от губернатора нам не удастся. Его самого йети чуть из засидки не вытряхнул. Лабаз своротил. А местного охотоведа на следующий день о землю шмякнул, чуть не убил...

Зарубин попытался растащить запутанную ситуацию на детали.

– Почему йети напал на губернатора и охотоведа? Другие случаи агрессии есть? С простыми охотниками?

– В том-то и дело – нет!

– То есть, это дикое существо отлично разбирается в социальной структуре нашего общества? Так?

– Выходит, так. – согласился обезоруженный шеф. – К тому же губернатор, между нами, человек очень скользкий. Лично у меня вызывает антипатии. Возомнил себя великим охотником! За три года больше сорока медведей отстрелял. По всей области ездит и бьет прикормленных, привязанных, можно сказать... Но на Пижме у него чуть ли не личная база. И охотовед там – этот самый Костыль...

Фефелов оборвался на полуслове – схватил себя за язык, наболтал много лишнего, что не положено знать подчиненным. С ним это и раньше случалось, просто бывший начальник областного охотуправления еще не привык к коварству столичного чиновничества, когда всякое неосторожное слово могут использовать против тебя.

– Да понятно, какие они охотники. – потрафил откровенности Зарубин. – Ни одного трудового зверя...

Шеф пониманием был удовлетворен – наклеывалась командировка!

– Но ты не отбодряйся. – предупредил он. – Давай подумаем, что можно сделать в данном случае.

Зарубин отметил свой собственный талант лавировать, правильно вести диалог с начальством, похвалил себя и собрался с мыслями, чтобы и продолжить разговор вплоть до точки не возврата, когда будет приказ о командировке.

– Отослать губернатора к криптозоологам. – посоветовал он. – Пусть неведомыми науке, существами занимается неведомая наука.

– Да губернатор уже был у каких-то шарлатанов. Там гарантировали живьем отловить, и бесплатно. Чтоб только в угоды пустили, и место указали, где появляется. Обещали прислать бригаду пятнадцать человек, лучших специалистов.

– В чем же дело?

Генеральный что-то не договаривал.

– Такую банду к себе в область пускать боится. Потом не отстанут. Они сразу земли попросили, сорок гектаров, чтобы поселить свою общину, строевой лес и льготные кредиты... В общем, губернатор обратился ко мне, с личной просьбой. Я бы сам съездил. Бывал там на охоте пару раз. Помнишь, как-то рассказывал?... Но сейчас даже на сутки не вырваться.

Зарубин все помнил, намек понял, и уже начал испытывать волну предстоящего счастья.

– Если мы станем заниматься йети, над нами будет ржать вся пресса. – однако же заключил он. – Как с охраной пингвинов. Вот уж произдеваются!

– Ты за репутацию не волнуйся. Обеспечим максимум секретности, губернатор и Костыль предупреждены. Поедешь будто бы на охоту, как простой московский гражданин. Да и не плохо, попроведывать свою малую родину. Без трофея от Костыля не уедешь. Скажу, чтобы выставил зверя из заначки. Но проблему надо снять.

– А лицензию на снежного человека дадут? – язвительно ухмыльнулся Зарубин.

– Увидишь – бей без лицензии! Живым можно не брать. Если что, вали все на меня.

На столичной госслужбе шеф никогда не был настолько смелым и решительным, ибо еще не обтесался в чиновничьей среде, не обкатался в высших тусовках, и все время осторожничал, как всякий охотник, крадущийся к зверю: Фефелову пророчили кресло начальника департамента в министерстве.

– А что такое случилось, шеф? – прямо спросил Зарубин.

И тут генеральный выдал секрет государственной важности, ибо огляделся и заговорил полупшепотом:

– Понимаешь, там. – и указал пальцем в потолок. – Обещали медвежью охоту одному европейскому королю. И принцессе... Близко от Москвы и не протокольную, понимаешь? Это его какие-то семейные дела, но даже королева не должна знать, что муж с дочкой стреляли зверей. Вологодский губернатор взял организацию на себя, министр лично обязал меня обеспечить безопасность охоты. А тут леший впутался!

– Леший и король, это любопытно. – заключил Зарубин.

Однако Фефелов иронии не услышал.

– Будет любопытно, если сорвем охоту. – проворчал он. – Сам король, говорят, вполне адекватный. Но дочка у него – капитан подразделения специальных сил. Своенравная особа и, между прочим, неотразимая красавица. Это ей захотелось русских медведей пострелять, руки чешутся. Папашка договорился...

– А принцесса и леший, это уже тянет на приз!

– И приз нам будет... Ты живых принцесс когда-нибудь видел?

– Не приходилось, но вариант интересный, если учесть мое холостое состояние. Буду зятем королю...

– Успокойся, – с ухмылкой осадил шеф. – Она на вид и в самом деле ничего, однако, натуральная волчица. Даже вроде глаза с желтизной, говорят, стерва редкостная. Видел ее в Испании, на выставке трофеев, была в охотничьем костюме из волчьих шкур. Выглядела эффектно...

Зарубин спросил нехотя и ворчливо, но в тайне торжествовал.

– Когда выезжать? Выходные на носу...

– Желательно завтра утром, – как-то невзрачно произнес шеф, нагоняя страха, что командировка для Зарубина может и не состояться. – У тебя что, семейные планы на выходные? Свидание с женщиной? Ты скажи...

– Какие у холостяка планы? – ухмыльнулся он, пытаясь вернуть позиции. – Нет, я готов ехать. Как всегда, раскрываться не буду, поезжу, послушаю народ...

– Перед охотоведом не объявляйся сразу, – посоветовал шеф. – И будь с ним поосторожнее. Он тоже еще тот волчара, все под себя гребет... Поезди по округе, Прикинись любознательным охотником. Ты же любишь байки слушать?

– В общем, как всегда...

– Но если хоть слово об этом напишешь! – шеф хищно блеснул очками. – Придется искать работу. И псевдонимом не прикроешься, Игорь Сергеевич. Как тебя там? Баешник?

Опытный, прожженный чиновник умел показывать свою информированность в те мгновения, когда ее не ждут, чем мог и с ног сбить. Но Зарубин был не прошибаем: еще когда занимался боксом, определил для себя лучшей защитой полную открытость.

– Баешник. – подтвердил он, не моргнув глазом. – Спасибо, что предупредил.

– Я рассчитывал на тебя. Игорь Сергеевич. – возмущенно заговорил Фефелов. – Если что, Госохотконтроль на тебя оставить. То есть, завещать свое кресло... Это не нарушение корпоративной этики, это пахнет предательством.

Нет, умирать шеф не собирался, а вот сесть на место руководителя департамента министерства, мечтал, и об этом знали все.

– Можно уже начинать? – серьезно спросил Зарубин.

– Что начинать?

– Искать работу?

Шеф протянул длинную, вдумчивую паузу и решил сменить амплуа диктатора на либерала.

– Мне эти королевские охоты тоже в печенках сидят. – ворчливо пожаловался он. – Стало модно угощать охотой. В казну хоть бы двадцать копеек заплатили. И все обеспечить: авиатранспорт, проживание, охрану, оружие. Теперь вот еще и защиту, от снежного человека!... Как в советские времена! Будь моя воля, я бы такое написал...

Зарубин ощутил себя прощенным за все прошлые грехи по поводу выноса сора из избы Госохотконтроля.

– Напиши!

Шеф обсуждать это не стал, и стекла его очков перестали поблескивать.

– Смотри, не проколись на деталях. И помни о сроках. Король приедет в течении недели.

Хотел уже уйти, и унести коробку с собой, но у дверей словно вспомнил о ней, хотя все время не выпускал из рук. И как-то сразу угас высокопоставленный начальственный голос.

– Еще будет личная просьба. Найди там ферму Драконы и купи упаковку сливочного масла. Только не фасованного, большим куском.

– Не проблема. – осторожно сказал Зарубин, чуя, что дело тут не в масле.

Но Фефелов, словно забыл, что угрожал увольнением, пустился в восторженный, если не сказать, восхищенный рассказ, как местный мужик, дважды Герой соцтруда и бывший председатель колхоза наладил выпуск не просто известного вологодского масла, а создал особенный продукт. Да такой, что местный губернатор добыл ему современное маслодельное оборудование и договорился о поставках его в подмосковный совхоз Непецино, откуда оно уже под другой маркой попадало в кремлевский общепит. Будто съешь утром бутерброд, душа на целый день смазывается и не скрипит. Но у этой байки про масло оказался неожиданный конец: сам дважды Герой Дракона надорвался на работе еще в колхозные времена, получив два инфаркта, и скоропостижно скончался в прошлом году от третьего. Но вдова дело знает, хозяйство процветает, и сама она – цветущая женщина, но перья можно не распускать, ощиpltет, ибо по характеру еще круче принцессы. И вот ей-то как раз и следует передать подарок, так, ничего не значащий презент, знак уважения.

Рассказал все это, и вдруг отягощенный лирическим отступлением, вернулся к столу, сел, как обыкновенный посетитель и снял очки.

– Принцесс живьем ты не видел. – начал он совсем необычно. – И таких женщин не встречал...

– Таких это каких?

У шефа был явный литературный талант, образы рождались мгновенно и всегда оригинальные – Зарубин так не умел.

– Как парное молоко...

– Как парное мне не нравится. – признался он, понимая слова шефа как намек на его образование, полученное в Молочном институте. – Люблю, чтоб были охлажденные...

– Охлажденные, это как? Сдержанные, что ли? Фригидные?

Зарубин не хотел говорить с шефом о личном, выразился скупно:

– Парное скисает быстро.

Фефелов попытался уловить скрытый смысл – не уловил.

– Потому и холостяк. – философски заключил он и встряхнулся, явно пожалев о сиюминутной слабости. – В сорок лет это означает крайнюю степень эгоизма. Охлажденные ему нравятся... Может, сам простуженный?

– Да мне просто не везет на этой охоте...

– Давно хочу спросить, что у тебя с носом? – как-то скучно спросил шеф, явно желая перевести тему разговора. – В аварию попадал?

– Боксом занимался...

– Да ну? И что, сломали на ринге?

– В ранней юности еще. Потом погоняло дали – Ломоносов...

Фефелов слушать про бокс не захотел, положил коробку на стол и сказал обыденно:

– В общем, вручи. Вдову Дивой Никитичной зовут. Такое странное имя... Не забывай: король будет на текущей неделе. Лично я отвечаю за безопасность охоты.

– Может тогда сам и съездишь? – предложил Зарубин, как последнее испытание. – Парного молочка попьешь, подарочек передашь. Да и маслица прикупишь!

Шеф замер на несколько секунд, потом вскинул голову.

– Ты натуральный циник, Игорь Сергеевич! Бес-искуситель... Знаешь ведь, министр и на сутки не отпустит.

На самом деле Фефелова никто не держал, прежде всего, министр, и об этом знали все сотрудники. А так же знали, что к концу грядущей недели, скорее всего, в выходные, состоится назначение на должность руководителя департамента министерства, и в такой ситуации лучше не уезжать из Москвы, избегать всяческих рисков, быть все время под рукой и на связи. Потому что желающих занять место около дюжины – это только те, что были известны и ждали очереди. Министр мог запросто притащить «варяга» со стороны, и тогда продвижение стопорилось намертво – было, от чего волноваться! Зарубин тоже стоял в некоем резерве и должен был ждать и молиться, чтоб шефа скорее повысили, и тогда бы он, при счастливом сочетании небесных светил, сел в его кресло. Но он ничего не ждал и тем паче, не молился, поскольку этим занимались добрых полтора десятка сотрудников, и шансы у них были на порядок выше, и все из-за опубликованных баек их автора – Баешника.

Тон шефа стал приказным – неотвратимость предстоящей командировки была с блеском закреплена!

– Езжай ты, доверяю. – сказал тот. – И еще помни о строгой конфиденциальности.

Уже потом, когда Зарубин по дороге на Пижму посадил попутчиков, семейную пару, и совершенно секретную, но уже пространную, с деталями, информацию о будущей королевской охоте услышал из их уст, чуть ли не давился от хохота и камуфлировал его под гримасы, будто болит зуб. Это было замечено, и от тетки даже поступил совет – обратиться в Тотемскую больницу. Зарубин подобрал их на перекрестке грейдера, среди тайги глухой, где близко и деревень-то не было, зато лесовозных дорог, развилочек, перекрестков великое множество, иные, торные, наезженные, вели в никуда. Стояли попутчики у обочины, как два гриба на толстых ножках, с тяжелыми сумками, голосовали неумело, и он бы не остановился, коль знал, где и куда свернуть. Но тут указателей нет, дело к вечеру, навигатор будто с ума сошел, бормочет – сбился с маршрута и в обратную сторону посылает: спутник в космосе тоже запутался в пижменских проселках. Вот и пришлось прихватить первых встречных, чтоб дорогу показывали, хотя подсаживать пассажиров было не желательно: руководство пыталось скрыть появление в этом браконьерском краю сотрудника Госохотконтроля, чтоб никто в лицо не знал. И одновременно настоятельно требовало провести некую скрытую разведку, дабы выяснить, что в народе говорят по тому или иному случаю.

Оказалось, попутчики из Красной Пижмы – поселок так называется, и ездили в вологодский город Тотьму вставлять себе пластмассовые челюсти по льготному тарифу, как заслу-

женные работники леса: это все была губернаторская программа по оздоровлению местного населения. Вставили и теперь на попутках добирались назад, в свой пижменский край. У лесорубов к пятидесяти годам во рту остаются одни пеньки, как на лесосеке, жевать нечем, и это в наказание, за то, что всю жизнь с топором – так объяснила набожная тетка. Она шептала молитвы и крестилась на все заброшенные храмы и погосты, когда проезжали редкие, чаще брошенные деревни. Однако же сама призналась, что всю жизнь работала в комсомоле, райисполкомом секретарем, была членом партии и без какой-нибудь веры жить не может.

Но ее муж когда-то лесной техникум закончил, хорошо знал природу, рассуждал, как философ, поэтому не согласился со столь мистическим толкованием и сослался на то, что в леспромхозах зубы попросту не лечили, а рвали, если немного заболит, мол, приказ такой спустили сверху. И это было медицински правильно: в течении жизни человек все время что-то приобретает и теряет, в первую очередь, зубы. В старости пора уже не мослы грызть, а каши есть, как в детстве, коровку заводить и творожок со сметанкой лопать. Дескать, природа мудра и сама регулирует кормовую базу, беззубость она тоже на пользу организму, как эдакий сигнал к сдержанности. Например, в драке тебе выхлестнули зубы не просто так – с намеком, чтоб мяса ел поменьше и ярости поубавил. Поэтому вернувшись домой, они непременно купят стельную телку у Дракопиной вдовы, не взирая на новые челюсти. У нее коровы удоистые, чистопородные, то ли испанские, то ли французские, а называются как тряпки – джерси. Жена попутчика покупать даже импортную нетель и растить из нее корову отказывалась, поскольку никогда в жизни ее не держала, не доила и с молоком не управлялась. Тогда ее строптивый муж рубанул с плеча:

– Не купишь – разведусь нахрен!

– Ну и разводишься! – огрызнулась тетка. – А я деньги сыму с книжки и себе хвархворовые вставлю! А с ними я хоть за лешего пойду, хоть за деда Мороза!

Казалось, ссора у них серьезная, смертельная для брака, сейчас биться начнут, вон мужик уже кулаки стиснул, того и гляди врежет супруге по новым зубам. И сам тут же получит! Не хватало еще стать свидетелем семейной драки: Зарубин поэтому и попутчиков не брал, чтобы ехать в тишине, думать, мечтать – пустынная дорога к этому располагала. Но попутчик расхохотался, держась за круглый живот.

– Ох, уморила!.... Скажи еще – в снегурки возьмет! Да ты знаешь, сколь они стоят? Она с книжки сымет!...

И тут Зарубин узнал, что за большие деньги, примерно в стоимость новых «Жигулей», можно и в Тотье поставить себе фарфоровые на титановых штырях, которые вкручивают в оставшиеся пеньки. Сам не видел, но Борута рассказывал, возятся во рту, как в слесарной мастерской, дрелью сверлят, ключами крутят, зато потом челюсти снимать и в стакан класть не надо! Цивилизация добралась и до этих глухих мест, вот только денег на такие зубы ни в жизнь не заработать, поскольку у попутчиков в наличии осталось всего на одну нетель. А в пересчете требуется ровно на восемнадцать нетелей, если их покупать, как мясо. Стадо целое во рту можно носить! Так что, мол, никуда ты от меня не денешься – это он уже про жену, леший тоже не дурак, бесприданницу с пластмассовыми челюстями брать не захочет.

В общем, забавные попутчики попались, веселые, простодушные: они тут же помирились, заулыбались и даже неловко обнялись. Зарубин не пожалел, что нарушил свое правило дорожного одиночества и прихватил голосующих на дороге. Вставив пластмассовые челюсти почти даром, они теперь сияли хищными улыбками, словно американцы, и без умолку, перебывая друг друга, рассказывали совершенно невероятные истории. Послушать, так Зарубин попал в сказку, в волшебный, но почему-то опустевший рай, в заколдованный лес, где ничего, кроме чудес, теперь уже не творится.

Как не спешили, как не срезали углы и петли по прямым, на паром все-таки опоздали. Скособоченный ржавый понтон стоял у причала на другом берегу уже без катера, ушедшего

куда-то вверх по реке: еще отраженные волны и пенный кильватерный след не успели выгладиться на темной воде и дым от выхлопной трубы реял в вечернем воздухе. Попутчик надеялся догнать, побежал берегом за поворот и даже там что-то кричал, но вернулся раздосадованным и только руками хлопал. Паром был частный, фермера Драконы, сама переправа нелегальной, поэтому паромщик никаких графиков не соблюдал, переправил молоковоз после вечерней дойки, отцепился от понтона и уплыл домой. К тому же, был уже пьяный, поскольку днем наверняка перевозил за реку городских грибников и ягольников, а у него строгий тариф – сто граммов с колеса, и вот уже лет пятнадцать не меняется. Мост через Пижму был, но пришлось бы делать крюк километров в восемьдесят по разбитым проселкам, чтобы приехать опять сюда же.

Сам Зарубин никуда не торопился, и ночевка на берегу была в удовольствие, тем паче, вечер был без дождя, хоть и влажный, однако у костра терпимо, палатки ставить не придется. А после четырнадцати часов за рулем никакого снотворного не надо. Спешили попутчики, ибо ночевать в каких-то двадцати верстах от своего дома обидно. И хоть семеро по лавкам у них не сидело, скотины пока не держали, все равно переживали, потому как дочка должна была с практики приехать на краткосрочные каникулы – картошку копать. Еще переживали, урожай погниет в земле, две недели висят над головой морозящие дожди, хорошо, у них песок, а у кого суглинок – в огород не могут зайти, тонут, будто в Доринском болоте. Оказавшись на берегу возле парома, они посожалели, что опоздали, но как люди местные и привычные ко всему, тут же развели костер, достали какую-то провизию и принялись дружно готовить ужин.

А Зарубин, разминая тело, прихватил бинокль и пошел тропинкой воль реки, испытывая редкое ощущение блаженства и какой-то ребячьей радости от того, что вчерашняя кабинетная мечта сбылась самым чудесным образом. Даже искупаться захотелось, тем более вода показалась теплой, еще не осенней, но берега глинистые, топкие. Подыскивая удобное место, он ушел за полкилометра от парома и увидел целый лес деревянных свай с обеих берегов: в колхозные времена тут явно был мост, который восстанавливали после каждого половодья. А посередине торчал высокий бревенчатый сруб – мостовая опора, пережившая десятки весен и изглоданная льдом. Лучше нырляки не найти, и внизу глубина большая, воду пучит. Зарубин уже прикинул, как можно по уцелевшим балкам перебраться на сруб, но вдруг увидел высокого человека на верху – место было занято. Он стоял на краю, смотрел в бегущую воду, не замечая ничего вокруг и все бы ничего, но при этом выглядел, как сказочный дед Мороз. Сначала подумал, это от баек попутчиков блазнится, однако вскинул бинокль – нет, натуральный! Синяя шуба с белым меховым стоячим воротом, боярская шапка и в руках не простая палка – посох, обмотанный чем-то блестящим! Только этот новогодний костюм весь пожеван, затаскан, видно, даже вата торчит из дыр. И не хватает белой бороды: вместо нее торчит настоящая, окладистая и черная. И на вид – примерно ровесник, лет сорока...

Когда Зарубин въезжал в Вологодскую область, видел дорожный транспарант «Родина деда Мороза» и особого внимания на это не обратил, мало ли вдоль дороги глупой рекламы? Но сейчас вспомнил и на минуту оторопел. Что за представление? Откуда взялся, если до Нового года далеко, на улице середина сентября? С прошлого загулял? И почему этот ряженный у переправы? Специально выставили на пути, чтоб напустить мистического тумана? Однако никто не знал, что Зарубин здесь поедет, свернуть на дорогу с паромом посоветовали попутчики, чтобы не наматывать лишние километры через мост...

И впрямь чудеса!

Окликать его Зарубин не стал, да и купаться расхотелось, от воды холодном дохнуло. Теряясь в догадках, он пошел обратно, к костру, где хлопотали попутчики. Они уже приспособили старые ящики вместо стола, вскипятили котелок, заварили чай и намазывали бутерброды с покупным маслом.

– Это забавно. – сказал он, присаживаясь у огня. – Но я сейчас видел настоящего деда Мороза.

– Где? – односложно спросил попутчик, никак не выразив чувств.

– Вон там, за поворотом! На мостовой опоре стоит.

– Видать, тоже на паром опоздал. – как ни в чем не бывало проговорила тетка.

Зарубин головой потряс.

– Что он здесь делает? В такую пору?

– Бродит. – сказал попутчик, тоскливо взирая то на чайник, то на свои сумки. – У нас же все леса заколдованные. Поэтому написано кругом – «Родина деда Мороза!» А раньше на въезде плакат висел «Пижма – земля героического труда!» Это когда наш председатель вторую звезду Героя получил. Теперь тут круглый год – новый год! Колхозов нет, работы нет, а каждый день – праздник! Зарплату никто не получает, а кругом одни магазины и торговые центры. Даже у нас возвели новый маркет. Коммунизм построили, мать его за ногу!..

И выразительно пнул сумку.

– Домой приедем – получишь! – спокойно сказала его жена, оценив намекающие телодвижения мужа. – И тебе будет праздник. А ты присаживайся, каши манной поедим, чайку с конфетками попьем!

Это уже было приглашение к столу, бывшие беззубые по привычке все еще варили себе каши. Зарубин открыл багажник, достал сумку с провизией, заготовленной в дорогу и армейскую фляжку с коньяком – попутчик сразу повеселел.

– Только этот дед Мороз у нас не совсем настоящий. Хотя росту в нем два метра с лишком! Я его как тебя, не раз видел близко. Бывают же такие высокие люди! Он у нас артист.

Тетка посмотрела, как Зарубин наливает коньяк и жестко выразила свое неудовольствие:

– Дьявольское отродье, ваш артист. Еще говорят, оборотень! Или хуже того, леший. Сила в нем сатанинская!

Попутчик был решительно не согласен, но выразился как-то туманно:

– Дива Никитична его молоком поила и кропила – ничего подобного! Так и остался заслуженным артистом.

Его жена пристально посмотрела в сторону разрушенного моста и набожно перекрестилась.

– Все одно – нечистая сила!

– Нечистой силы не бывает. – вдохновленный попутчик взял свой пластиковый стакан. – А оборотнями всегда называли предателей, у которых нутро гнилое. Или милиционеров теперь. Не надо слушать полудурков и старух. В природе вся сила – чистая! Это еще Ломоносов сказал.

– Чтоб узнать, оборотень или нет, надо парным молоком напоить и окропить. – сообщила тетка уже для Зарубина. – Раньше так проверяли. И всех на чистую воду выводили.

Ее муж ответом не удостоил.

– Кстати, он по пути в столицу через нас проезжал. И предсказал нашему пижменскому краю богатое будущее.

– Кто проезжал? – спросил Зарубин, потеряв нить разговора. – Дед Мороз?

– Ломоносов!

– У меня в юности было такое прозвище. – вспомнил он.

– Да вижу, нос-то тебе сломали... В драке, что ли?

Зарубин хотел рассказать, что кличкой такой наградили по другому случаю: получив серьезную травму и две недели пролежав в больнице, он вернулся и сам начал ломать носы. Тетка не вникала в мужской разговор, тянула свой и не давала сказать.

– Где оно, это его будущее? – огрызнулась она. – Столько дырок в земле провертели, хоть бы что! У других вон хоть минералка впустую, но течет. А у нас колхозы, и те развалились. Одни дракоши с драконицами панствуют...

– Будущее еще будет! – философски, но резко прервал ее муж. – Тебе все сразу вынь и положи, а его заслужить надо.

– Ты ему много не наливай. – посоветовала тетка. – Иначе до утра не отвяжешься, поспать не даст, артист! Он у меня не пьянеет, верней, язык всегда трезвый, но голова дурная делается. Такого нагородит – только слушать успевай. Одно слово – Баешник. Фамилия у него такая.

– Неужели такая фамилия? – восхитился Зарубин, вспомнив свой псевдоним.

– Такая и есть. – подтвердила тетка. – Все равно, что болтун. Пустомеля! Иногда перед людьми стыдно бывает...

– А у самой-то какая фамилия? – рассмеялся попутчик. – У нас весь род – бухтинщики да баешники. Раньше когда плотницкие артели ходили в другие края, одного непременно брали с собой. Радио не было, телевизоров не было, а развлечений охота. Вот мои предки и баяли, то есть сказы разные сказывали. Топором не махали – языком зарабатывали полную артельную долю. Разговорное искусство всегда ценилось! Так что мы с дедом Морозом вроде как из одного актерского цеха.

Зарубин только этого и хотел!

– А я люблю байки послушать! Давно вот так ночь не сидел у костра...

– Если в охотку вранье его терпеть – на здоровье. – позволила тетка и натянуто замялась. – Можно я у тебя в машине поночую? Мне с вами тут сидеть совсем не по нутру...

– Да конечно! – Зарубин разложил пассажирское сиденье и накрыл спальным мешком.

– Ага, забоялась! – обрадовался попутчик и без жадности, со вкусом выщедил коньяк. – Гляди, заберет тебя дед Мороз в снегурочки!... Вот он, религиозный дурман, мракобесие, всю жизнь борюсь. Скоро на Доринское пойдешь, багул нюхать... Ладно, пей чай да ложись! И не мешай мужикам.

Солнце зашло, и потому как становилось сумеречно, тетку начинало откровенно поколачивать. Она торопливо поела каши, выпила чаю, поглядывая в сторону снесенного моста, бережно надкусила пряник и нарочито зевнула.

– Пошла я спать.

– Приятных снов! – облегченно пожелал муж.

2

Едва она скрылась в кабине, Зарубин налил по маленькой, и попутчик подбросил дров в костер. Оба почувствовали волю и азарт: один рассказывать, другой слушать. И начал Баешник с недосказанного еще по дороге – про районного охотоведа, которого звали на Пижме Недоеденный, хотя фамилия тоже была, как прозвище, Костыль. И вид у него соответствовал – прогонистый, но плечистый и нравом несгибаемый, с заусенцами. Сюда приехал откуда-то из Белоруссии, как молодой специалист, школьный учитель физкультуры, но пообтерся, первый раз женился на местной и остался. Жил бы себе да и жил, пускал корни в худую вологодскую землю, однако этот пришлый бульбаш увлекся охотой, бросил жену, школу, наел на дичи толстую шею и пошел в егеря. Не минуло и года, как физкультурник, благодаря высшему образованию, сделался охотоведом, и мужики поначалу обрадовались – грамотный, вежливый и имя у него ласковое Олесь. Предыдущий-то был из шоферов, поймают на охоте с нарушением, на весь лес ор стоит – мать-перемать, отлает как собаку и, бывало, отпустит, без составления протокола. А этот даже не пожурит, сразу ружье отнимет и такой штраф выпишет, хоть корову со двора веди или вешайся. Потом и вовсе взвыли вольнолюбивые, гордые пижменские мужики – в лес стало ни ногой! Не то, что за зверем, по грибы-ягоды и то в ножки Костылю кланяйся, и что собрал в лесу, ему принеси и сдай за копейки.

А все потому что с ведома губернатора свою охотничью базу построил, все угодя под себя подмял, прибалтов запустил, которые стали скупать дикоросы у местного населения за сущие копейки. При живом председателе совсем другие порядки были, Драконя Недоеденного в узде держал, все грозил угодя у него отнять – не успел. Теперь Костыль голову поднял и свои законы утвердил, по современному это монополия называется: хочешь вволю собирать грибы или клюкву, собирай только на сдачу. И ладно бы государству – литовцам, этим зеленым братьям! Они же в камерах все заморозят, потом пригоняют фуры и прямым ходом в Европу. Можно сказать, последний заработок, последнюю свободу отнял, бульбаш этакий.

Да ведь не на тех напал: сначала несколько раз просили, дескать, не обижай местных, люди здесь лесом всю жизнь кормились, и теперь, когда колхозы-леспромхозы позакрывались, так и вовсе остается питаться дарами природы. Потом для острастки предупреждать стали – колеса протыкали, ремни на снегоходе резали, литовских заготовителей пугали, вокруг овсяных подкормочных площадок карбид разбрасывали, чтоб животные не подходили – ничего не проняло. Только злее становится и беспощаднее к туземцам!

И вот тогда на Костыля зверя натравили, не большого, чтоб до смерти не задрал. Сначала напоили медведя медом с водкой, и когда он стоворчивый сделался, условились с ним проучить охотоведа, дождались, когда он поведет районного прокурора на лабаз и дали сигнал. Косолапый вышел на поле, прокурор стрелил его, а зверь прикинулся мертвым и лежит, как условились. Охотники подходят, довольные, медведь вскакивает и сначала на прокурора: видишь ли, молодой еще был, охотоведа в лицо не знал, к тому же, говорят, близорукие они. Прокурор от него свистанул, а Костыля-то не напугать, тот второпях стрелил навскидку, и мимо! У Олесья карабин был, СВТ, машина тогда еще редкая, полуавтоматическая, изрядно потрепанная еще в Отечественную, магазин при перезарядке и отстегнулся. Костыль давит спуск – патрона-то нет и затвор открыт!

Но Олесью в хладнокровии не откажешь, он давно уже пижменских баек наслушался, знал, что если медведя голой рукой за корень языка взять, то можно, как мягкую игрушку, домой живого привести. Называли даже имена, кто водил, например, дед Боруты, коновал. Однажды так вот привел, держит за язык и кричит своей старухе:

– Хватай коромысло! Бей между глаз!

Та схватила и не медведю, а деду по лбу! Медведь такое увидел, со страху вырвался и убежал. Правда, таких ловкачей, вроде и на свете давно не было. Так вот, Костыль пятерню ему в пасть и давай за язык ловить, другой же рукой пытался ножик достать. А медведь-то уже овса на поле хапнул, в пасти у него скользкая каша – никак не взять! И ножика не вынуть, назад сбился, не дотянуться. Пока возились эдак-то, зверь всю руку до локтя ему пожевал. Тут прокурор очухался, оглянулся – нет, охотовед еще живой, даже скальп на месте, борется с косолапым, и вроде пытается его через бедро кинуть. Спортсмен же, говорят, вольной борьбой в институте увлекался! Но стрелять законник забоялся, Костыля можно зацепить, ну и давай над головами палить. Они возьятся, волохаются, матерятся – прокурор палит. Медведь знал, что у него десятизарядный СКС, дождался, когда магазин опустеет, бросил бульбаша и наутек, как с мужиками договор был.

Охотоведу руку собрали, поправили, но пальцы все равно врастопырку остались, отсюда и прозвище появилось – Недоеденный. А когда он в пятый раз женился, это не считая десятка любовниц, то стали называть еще просто охотоведом, то есть, все время ведающим охоту, как племенной бык.

Зарубин слушал попутчика с серьезным видом и удовольствием, поскольку его торопливый вологодский говорок напоминал знакомую с детства, музыку. Но когда этот сказочник завернул про то, как мужики с медведем договорились, непроизвольно хохотнул и уже не мог избавиться от недоверчивой ухмылки. Знал ведь, что все это байки, но начинал верить, а ведь трудно сохранять спокойствие, когда слышишь, как собеседник старательно тебя дурит и потешается с серьезным видом. Однако попутчика ничто не смущало.

– У вас что, медведи считать умеют? – спросил Зарубин.

– А то как же! – уверенно заявил тот. – Даже науке известно, всякий медведь до десяти считает. Наши, пижменские, и писать умеют. Они однажды письмо сочинили губернатору, жалобу на Костыля...

Даже его жена тут не выдержала, высунулась из машины..

– Будя брехать-то. – строго сказала она. – Что человек-от про тебя подумает?

И словно пластинку сменила. Вкусив коньяку, этот сказочник окрылился, однако потерял охоту травить байки – переключил свое нарочитое возмущение на беспорядки и принялся крыть местное начальство. А это было в самый раз – услышать голос народа, поскольку Зарубин хоть и вырос в Вологодской области, однако давно жил в Москве, не знал современных нравов малой родины, тем паче, ее глухих уголков. Попутчик же так увлекся, что в азарте потерял всякую осторожность, продолжая повествовать о темных сторонах пижменской жизни. И считал, что имеет на это право, поскольку одно время, когда леспромхоз закрыли, работал егерем на базе у Недоеденного, весь его произвол наблюдал воочию и уволился из-за принципиального несогласия с агрессивной политикой в отношении к местному населению. Пять минут Баешник чихвостил всю охотничье руководство, благополучно избавился от замечаний жены, и когда та громко засопела, вернулся к прежним байкам, но уже полусшепотом.

Оказывается, недоеденный медведем, Костыль не угомонился, хотя сразу догадался, кто зверя натравил, и никакого послабления местным мужикам не сделал; напротив, еще хуже пакостить начал, и все по закону. Он называл их аборигенами или того хуже – туземцами. Вроде не так и обидно: туземец вообще слово русское и означает, что человек из той земли, но все-таки уничижительно. Так вот захочет туземец зайчика стрелить или грибов-ягод побрать, отработай три дня по обустройству солонцов, потом заплати деньги, путевку выписывай, и еще ходи по определенному маршруту, в строго отведенное место и не нарушай экологического равновесия в природе. Медведи же, кабаны и лоси теперь даже охотникам из Вологды не достаются, только начальству, богатым москвичам да иностранцам. Чтоб Костылю все прощалось, и прикрытие от властей было, он хитро сделал, когда-то пристрастил к охоте местного губернатора. Прежде-то он и ружья в руках не держал, но однажды Недоеденный заманил его на

глухариный ток и заразил, словно отравой. Бывший егерь по себе знал, насколько это занятие людей с ума сводит, человек как больной делается, и если рыбалкой увлекся, то тихое помешательство, охотой же, вооруженное и буйное.

То же самое и с губернатором произошло, одержимый стал, разных ружей себе накопил, ножики, амуниции, еще больше надарили взяточдатели и просто пристебаи. Раздухарившись, изображая из себя барина, он личное стрельбище построил и даже свору легавых завел, как помещик, чтоб мелких птичек круглый год стрелять, теперь мечтает о борзых. На охоте все свои губернаторские дела решает, делегации встречает, в том числе, иностранные, для чего непременно надевает шляпу с пером, как немец. Короче, произвел увлечение в образ жизни и государственной службы. Иногда в засидке важные бумаги подписывает и печати шлепает. На Пижму как не приедет, как не сядет на лабаз, как не стрелит – зверь лежит, потому что руку в тире набил. Или поставят его на номер, пустят взвод егерей, и они на него лосей гонят, бывало, целый табун. Так он на выбор, как совестливый защитник фауны, лосих не трогает, одних рогачей бьет, а потом с ними фотографируется в назидание другим охотникам. А однажды снялся даже в окружении живых благодарных самок, но это было уже после того, как попутчик уволился из егерей.

Оказывается, тетка в машине все еще не спала, сопела и слушала, и тут не вытерпела – открыла дверцу.

– Да это он на лосиной ферме снялся! Полно врать-то! Они хоть и коровы, да ведь не дуры. За цё благодарить, коль он быков перестрелял? Сам-от подумай, цё городишь?

Видно, на ночь вставные зубы сняла и сразу зацёкала.

– Такая подпись была под карточкой! – отпарировал муж. – Своими глазами видал.

Попутчица подошла к костру и присела поближе к благоверному.

– Вы уж его не слушайте. – заворковала она Зарубину. – Брешет мой туземец. Они все у нас брехуны да баешники. А губернатор нам достался хороший. За счет него мы себе челюсти подешевше вставили. Если б нечисть не разводил, цены бы не было. В газете сознался, все мясо отдает в детские дома, на котлеты, себе не берет. Да и не съест стоко-то! Даже хвархворовыми зубами.

– Кто тебе сказал, что зубы у него фарфоровые? – изумился попутчик. – Сама придумала?

– Поцё сама? Медичка сказала, которая сверлила! Им по должности ставят. – Потом громко зашептала. – Человек-от на базу едет, к Недоеденному. Номера-ти на машине видал? Московские! А ты цё плетешь? Цего языком-то мелешь? Ну как передаст?

Зубастый и обретший достоинство, попутчик чувствовал себя независимым, отвечал громко и дерзко:

– По справедливости говорю, как есть. Не бойся, зубы назад уже не выдерут! Теперь можно все говорить, пусть люди знают. Эх, мне бы фарфоровые вставить! Да стакан водки с медом залудить!... Всех бы перегрыз! И губернатора, и особенно Недоеденного доел бы! И даже Диву Никитичну укусил бы.

Он уже дошел до той степени правды, что душа требовала простора, но жена мешала, путалась под ногами, опасалась, как бы не сболтнул лишнего.

– Нашему бы теляти да волка съест! – подобострастно рассмеялась она. – Диву-то за что кусать?

– За задницу, конечно! Ох, до чего вкусная женщина...

Супруга ничуть его не ревновала, верно, привыкнув к болтовне.

– Не верь ему, – сказала Зарубину. – У нашего губернатора и зубы и плешина на голове – все настоящее. Вставных только три или четыре, говорят. В рот ему не заглядывала, не шупала...

Попутчик уловил запретную тему о губернаторе и дабы усмирить жену, переключился на Костыля.

– Про охотоведа я тебе все расскажу! – встрепенулся он и поправил челюсти во рту. – Что наши мужики-то удумали на сей раз! Это же надо такое вытворить!

– А что за мужики-то? – осторожно поинтересовался Зарубин.

Бывший егерь своих не выдавал и никаких имен не называл.

– Нашлись ловкие ребята!... Сейчас Костыль сам сидит в заднице, и вся его прибалтийская свора в лес не суется. А как раз второй слой белых пошел! Грибов в борах видимо-невидимо. Присядешь эдак-то – одни ядренные шляпы торчат по беломошнику, иные с человечесью голову. Два автобуса с зелеными братьями пришло, но вот хрен одного сорвут! Нынче брусники мало, так весь зверь на подкормочных площадках жирует. Как вечер, так столпотворение, считай, весь овес уже потравили. Да никто зверя не шевелит, лабаза пустые стоят и ни выстрела! Для фауны благодать наступила. Не будет нынче королевской охоты!

– Отчего же так? – подтолкнул Зарубин и щедро налил ему коньяка.

На спиртное он был не жадный, поболтал в стакане, понюхал и даже не пригубил – для него была важна интрига и сам процесс рассказа!

– Нашлась управа и на Недоеденного. – мстительно произнес попутчик, все еще интригуя. – А его предупреждали, добром просили!... Пусть теперь убытки считает!

– Да ты скажи уж прямо! – не выдержала его жена и распахнув дверцу, перекрестилась на елки, стоящие в темноте, как стрельчатые храмные купола. – Бесов наслали! Прости, Господи!.. Собираемся по всей Пижме крестным ходом идти. Благочинный приезжал, благословил.

– Бесы – не материальные существа. – философски заметил ее муж. – Они вымысел попов, чтоб народ в темноте держать. А вот волков развелось! Но охотоведу некогда хищников истреблять, он королевские охоты проводит, бабки зарабатывает. У Дракопиной вдовы пять телок зарезали, две из них стельные были. Пока мы соберемся покупать, всех порежут.... А ты про бесов лепишь! Хоть раз их видала?

Попутчица не пожелала вступать с ним в дискуссии на тему нечистой силы и веры.

– Ты ежели охотиться едешь на базу, то сразу поворачивай назад. Довезешь нас и в обратку. Охоты нынче не будет. Можешь, конечно, у нас погостить. Мы любим гостей, и дочка приедет, картошку копать...

Это уже было сказано Зарубину и ясности не добавило.

– Но у меня лицензия выписана! – нарочито возмущился тот. – На медведя и кабана.

– Повесь ее на сук. – заявил бывший егерь. – И возвращайся в свою Москву.

– А что случилось? Почему?

Попутчики заговорщицки переглянулись и тетка обреченно вздохнула.

– Нечистая сила кругом. Видал деда Мороза? А есть и почище!... Как увидишь свет над лесом, знай, или кикимора на болоте светится, или леший вышел на промысел.

– Если свет, то какая же нечистая сила? – вяловато возразил ее муж. – Говорят, где нечистая, там тьма.

– Уж не знаю, кого ты слушал. – с комсомольским задором отчеканила его жена. – Но старые люди так говорили. Увидишь зарницы, или еще от земли свечение – нечисть ходит, себе дорогу светит. Бесовский огонь!

У попутчика было благодушное настроение, ссориться не хотелось.

– Див у нас завелся. Точнее будет, дива. Борута говорил, на Доринском болоте поселилась и живет.

Зарубин знал про это сказочное существо, бабушка в детстве пугала, мол, не ходи один в лес, див схватит и унесет к себе в логово, ребятишкам своим на забаву.

– Это кто? – однако же спросил он. – Что за зверь?

– В том-то и дело, не зверь. – замылся Баешник. – Если верить попам, то нечисть. По нашему, так леший, дяденька лесной, див – всяко называют. Леших, кикимор, русалок так и кличут – дивьё лесное. Если женского рода, то дива.

– На Пижме даже иногда девчонок так называют. – призналась тетка Которые оторвами растут. Вот мы свою Натаху так и звали...

И оба почему-то тревожно и надолго замолчали.

– То есть, у вас настоящий леший завелся? – спросил Зурубин и побулькал фляжкой.

– Вроде того, лесной дяденька. – боязливо отозвалась попутчица. – Или верней, тетенька...

– Раньше как-то не заметно было, – трагично подхватил бывший егерь, явно не желая менять своих убеждений. – Лешего редко встренешь. Где-нибудь возле Доринской мари только. Он туда к кикиморе ходил...

– Будя языком трепать! – попыталась остановить жена. – У них ведь никак у людей...

Баешника уже понесло.

– Бывало, конечно, – невозмутимо продолжал он. – То зверей из загона выпустит, то морок наведет и в трех соснах закружит... А сейчас всюду ходит, многие видали. Я – человек образованный, и опираюсь на факты. Вынужден признать, дива в нашем краю есть. И русалки из Дора в речки перебрались, в омотах живут. Кикиморы теперь на всех болотах. Пойдешь за морошкой, непременно баловать начнет. Или закрутит, или корзину с ягодами отнимет и выкуп просит.

– Всякой твари развелось! – горько вздохнула попутчица. – Раз сам губернатор под опеку взял и сделал все наши леса заколдованными. Так однажды при народе и сказал, дескать, мы нынче лесов рубить не станем, поскольку все уже вырубил. Мы их заколдуем, и все туземцы будут жить счастливо.

– Деду Морозу терем выстроил, в Великом Устюге! – подхватил муж. – С ледяными палатами. Туда он местных девок водил, морозить. Тоже охотовед знатный! То есть, как племенной бык, всегда в охоте, если близко телка.

– Многих, гад, поморозил! – с завистливой мстительностью добавила жена. – Снегурку себе ищет. Как с цепи сорвался, кобель! Девки-то липнут сами. Они же у нас простые, до сих пор думают, дед Мороз настоящий. Замуж хотят, так уже и не смотрят, дед, не дед. Главное, чтоб мужик был, и лучше если заслуженный артист... Вон наша Натаха-то, тоже с Морозом сфоталась!...

– И нарвался однажды, – горестно заключил попутчик, желая перебить жену, дабы не выносила семейных секретов. – В этом деле надо меру знать. А он, будучи выпившим, принародно заявил, дескать, саму лешачиху в снегурки возьмет! Мол, только она по достоинству ему будет! И заставил народ хоровод вокруг елки водить и орать:

– Дива, явись! Дива явись!

– Лешачиха услышала и явилась! – торжественно вставила тетка. – Прямо на елку в терем! И так самого поморозила!... Все достоинство-то и отвалилось. Говорят, теперь он, как мерин, ни конь, ни кобыла...

Мужик не сдержался.

– Ты уж объясни толком! Человек подумает, и правда... Дед Мороз был назначенный, не настоящий. Артиста из Москвы привезли, заслуженного. Но дива-то, говорят, была настоящая! Вот и отснегоурила ему хозяйство, чтоб девок не портил.

– Откуда же она взялась? – спросил Зарубин.

– Наши мужики на Вятку ходили. – по секрету сообщил попутчик. – Договорились и привели да поселили в Доре. Это бывшая деревня колдунов на болоте. Теперь он в наших лесах хозяин.

– Бабу привели, то есть, лешачиху! – встряла его жена. – Нашли там одинокую и уговорили на вологодчину пойти. Она узнала, что губернатор нечистой силе терема строит, вот и согласилась снегурочкой у деда Мороза послужить... Ой, не к ночи помянуто! Накличу нечистых духов – не уснуть будет.

Похоже, спор этот у них был давний, потому что оба зажигались, как спички.

– Да ведь толком-то не рассмотрели, кого! – драчливо возразил попутчик. – Нынче среди людей трудно различить, баба или мужик!

– Если снегуркой служила, какой же мужик? Зато какая веселая Снегурочка была! И бесплатно работала. Губернатор нарадоваться не мог, вместе с московским мэром. Народ поездами поехал! А потом вышел разлад...

– Все равно не доказано! – уперся попутчик. – Дракоши уверяют, лешего привели!

– Дак Борута щупал – лешачиха! Тварь она гулящая!

– Ладно тебе! Боруту если послушать!... Кто еще видал, что гулящая?

– А цё к мужикам только пристаёт?

– К кому приставала-то? К Эдику, что ли? Так к Эдику и мужики пристають.

– Деда Мороза совратила – терем покинул! Снегурку свою назначенную бросил. А она ведь уже с пузом была! Надеялась, замуж возьмет. Теперь к губернатору иск выставила, алименты платить. Потому как дед Мороз, лицо сказочное, не настоящее, по лесам скрывается, документов не имеет. А губернатор – избранное голосованием.

– Голосованием, значит тоже сказочное лицо!

– Но алименты пообещал не сказочные...

Эта житейская история как-то приземлила поэтичность образов, и попутчик перевел дух.

– Теперь нового деда Мороза привезли. – скушно сообщил он. – Нашли артиста еще здоровей. Такой лешак!... Этого в строгости держат, по договору, там все прописано. Снегурка ему положена разовая, привозная на праздник. И чтоб с дедом ни-ни! Отснегурила и уехала. Сам губернатор по конкурсу выбрал, чтоб детям нравилась, а не деду Морозу. Прежний-то, кроме назначенной, еще десяток местных снегурок держал. И в своем тереме морозил! Поморозит и бросит, разбаловался совсем мужик, развел бардак.

– Вот и наскочил на лешачиху! – подхватила его жена. – Сейчас весь дедморозовский штат поменялся. Правда, ребятишки новую снегурку за Бабу Ягу принимают...

– Страшная потому что. – вставил попутчик. – Настоящая нечистая сила. Зато никакого искушения деду.

– А то ведь до чего дошло! – Забывшись, воскликнула тетка. – Старая-то, снегурка, принародно чуть губернатора не совратила!

– Вот что ты несешь? – заругался муж. – Откуда там народ? Никто ничего не видал! А не видал, значит, и не было!

– Хочешь сказать, лешачиха к самому губернатору не приставала?! – брякнула тетка и опомнившись, прикрыла рот ладонью. – Прости, господи...

– Да к нему же приставала Дива Никитична!

– Это он приставал к Диве, дура ты!

Должно быть, оба проболтались в азарте, выдали пижменский секрет, но слово вылетело. Зарубин знал про вдову от Фефелова, но сделал вид, будто ничего о ней не слышал.

– Я что-то запутался. – сказал он. – Дива лешачиха, а Дива Никитична кто?

– Вдова председателя.

– У нас председатель колхоза был герой труда, Драконя.

– Дважды герой, Алфей Никитич, царство ему небесное...

Объяснили и как-то насуплено умолкли. Зарубин плеснул коньяка в стаканы, чтоб оживить разговор.

– Неужели к самому губернатору лешачиха приставала?

– С чего бы еще шум-то начался?...

– Губернатор у нас лысый. – сообразно своей логике, пояснила тетка. – Значит, мущина жаркий, по чужим подушкам прическу вышаркал. Так эта тварь его по плешинке погладила и титьками потерлась...

– Борута не видал, чтоб гладила! И терлась об лабаз.
– Зато другие видали! – огрызнулась та. – И у него стали волосья расти. Сначала вся макушка заросла, потом ниже поползло.
– Вот что несешь? Откуда ты знаешь, куда поползло?
Тетка окончательно воспряла.
– Егеря с ним в бане парились, видали. Говорят, весь мохнатый стал.
– Он давно уже мохнатый! Порода такая...
– А от чего, скажешь?!
– Библиотекаряша говорит, денег на культуру не выделяет. Вот и оброс шерстью.
– Их на культуру никогда не выделяли! Никто не обрастал... Дива погладила!
Попутчик спорить больше не стал, неторопливо выпил коньяк и рассказал историю, вообще уже фантастичную.

Егеря Недоеденного прикормили крупнейшего кабана с трофейными клыками – что тебе бивни мамонта! Разумеется, Костыль доложил губернатору и тот примчался прямым ходом из Кремля, где отчет держал – вот что значит ловчая страсть. Недоеденный сам вызвался сопровождать охоту, сели на лабаз вдвоем, а губернаторского начальника охраны Кухналева с крупнокалиберным карабином посадили на опушке леса с подветренной стороны, чтоб страховал, подранка достреливал и посторонних не пускал.

Солнце на закат, в кристальном воздухе даже кипрейное семя на пушинках замерло: на русском севере бывает такое состояние природы, будто в невесомости сидишь и тишина, даже дышать боязно. И вот на сумерках вдруг слышат, зубовный скрежет, значит, секач вышел и уже кормится! Только в каком месте на поле, не разберешь, овес высокий, да еще подсеянными горохом перевитый, ничего толком не разглядеть. Вроде, есть черное пятно, и движется, но в потемках не понять, что за животное. Не раз бывало, вместо кабана медведя стреляли и наоборот. А то и лося случайно валили – у них как раз в это время гон, ползают в поисках соперника где угодно. А ночными прицелами губернатор принципиально не пользовался и другим не велел, считая, что всякому зверю надо дать шанс. Решили ближе подпустить, что бы уж наверняка высмотреть будущий трофей, охотовед ночной бинокль включил, все одно понять не могут, то ли матка с двумя медвежатами, то ли свинья с поросятами. Охотники даже карабинов в руки не взяли, ведь секача ждут, другая дичь ни к чему. Видно, что пятно лохматое, бесформенное, скрежещет зубами, словно кабан, чавкает как медведь, а размером с крупного лося, если не больше, только ни рогов тебе, ни длинных ног. Какая-то гора шерсти ползет!

Под самый уж лабаз подпустили, все равно понять не могут, что за зверюга, да и темнеет быстро. И тут губернатор не утерпел, вздумал стрелять: снял карабин с гвоздика, и только положил ствол на упор, как животное встала во весь рост. Оказывается, на корточках сидела и жрала горох! Охотоведу же сначала медведь привиделся: морда, пасть, клыки, лапы – все звериное. Но губернатору показалось, обликом так вылитый человек! Лицо, руки и даже женскую грудь рассмотрел! Только очень мохнатый и огромный – метра четыре высотой показался, как раз в уровень засидки!

В общем, тварь эта сначала карабин у него вырвала и на глазах в штопор скрутила. Потом засмеялась и по лысинке будто бы погладила, а губернатор отмахнулся, отпихнул ручищу и заругался, мол, какое право имеешь лапать неприкосновенное лицо? Тут лешачиха и рассвирепела, ухватила ручищами, расшатала лабаз, а он на четырех столбах стоял, вырвала из земли и завалила на лес. Если бы лестница его не подпирала, в дребезги бы разбился, и люди бы пострадали. Но все обошлось, только накренился, тварь же напоследок взвизгнула женским голосом, Недоеденный утверждал, выразилась похабно, и убежала, как человек, на двух ногах. И ладно бы только охотники – охранник Кухналев все это наблюдал издалека, в прибор ночного видения, а он был целым полковником службы безопасности и совершенно трезвым в тот миг!

Но все эти очевидцы и пострадавшие были на вологодчине людьми пришлыми, с разных краев, ни в черта, ни в бога не верили, поэтому, пережив стресс, взялись гадать, что произошло. Заводилой разбирательства стал, естественно, губернатор, он и убедил остальных, что это не зверь, не огромный медведь, и не дивьё лесное, а реликтовый снежный человек, про которых давно талдычат по телевизору. Костыль его послушал и тоже изменил мнение. Просто после поединка с медведем, ему звериные рожи все время чудились, и тут охотовед даже будто бы вспомнил человеческие руки, что раскачивали столбы лабаза, и обнаженные женские груди с оттянутыми сосками, как у кормящей матери. К тому времени он разошелся с пятой женой, нарожал в общей сложности семерых детей, женскую физиологию и животных знал хорошо.

Мало того, на следующее утро вся компания поехала на поле и там, где кабаны вскопали землю, нашли гигантские человеческие следы, с которых охранник профессионально сделал гипсовые слепки. В общем, все сошлись на утверждениях губернатора, а чтобы его не дискредитировать столь необычным случаем, решили все засекретить, что сделать на Пижме практически невозможно. У этой охоты на секача оказался еще один свидетель, пижменский мужик Борута. Этот туземец тоже когда-то у Костыля работал, сначала шутком, за деньги упражнения с хвостом показывал, а когда его лишился, стал егерем. И поскольку по профессии был колхозный ветеринар, то не просто лосей загонял на стрелков, а еще занимался животным миром базы, то есть, собаками, притравочными зверями, что в клетках жили, и лошадьми. Но все это пока Недоеденный не отыскал себе настоящего специалиста-собачника, после чего колхозника уволил – обидел мужика.

И сделал это зря, потому как Борута сам почти леший, везде теперь ходит, все видит, и как губернатор охотился на кабана, тоже узрел. Разумеется, и самого лешего на двух ногах он наблюдал не только на подкормочной площадке, и в борах, где прибалты собирали белые грибы, но и на зарастающих проселках, заброшенных полях, старых вырубках и даже возле охотничьей базы. И ничего особенного хозяин леса не проделывал, только показывался воочию, и все прибалты бежали от него в ужасе, чтоб спрятаться за высоким забором. А поскольку зеленые братья теперь дальше ее территории не высовываются, то леший вконец обнаглел, трется все время возле базы и напускает страху. Недавно Эдика поймал, совладельца литовской компании, парня храброго, который, служа еще в советской десантуре, грузин не забоялся и рубал их саперной лопаткой, когда они бунт учинили на площади в Тбилиси. Поймал в объятья и поцеловал в засос, так что все европейское лицо десантника оказалось в пасти чудовища, да еще титьками потерялся об него. Титьки голые, без шерсти, и сама она вся без телесных волос, но смугловатая, кожа гладкая и видом – женщина, только роста и объема исполинского. Еще Борута заметил, как леший, то есть, скорее всего, лешачиха, изнывает от плотской страсти без мужика: бабы, они все время трутся, если сильно чего-нибудь хотят.

Отсюда и пошло дива, то есть, снежного человека по научному, считать женским полом, дивой, а так этих самых гениталий не заметно, хотя существо совсем обнаженное.

И все бы ничего, прошло бы время, и эта нечистая сила покорила бы деду Морозу, пошла бы в снегурки или вернулась на Вятку, где водилась, говорят, в избытке: напрямую-то через Великий Устюг тут совсем близко. Однако губернатор, встречаясь с самим Президентом, вздумал заразить того охотой и для начала весной затащить на глухариный ток. Глядишь, какой-то краешек пирога и обломится для областного бюджета, всякие инвестиции пойдут, гранты и прочие деньжата. А пока байками про медведей и кабанов потчевал, и Борута свидетельствовал, что губернатор весьма искусно описывал охоту, как настоящий баешник. И даже изображал в президентском кабинете, как следует подходить к поющему на току, глухарю.

Президент носил фамилию звериную, диких животных обожал и не купился на рассказы губернатора, зато пообещал отправить в Вологду одного европейского короля с дочерью. Этому королю не быть, не жить надо русского медведя стрелить, иначе, мол, чуть ли не с трона снимут.

При чем, они с принцессой условились сделать это тайно: ихняя мамаша, то бишь, королева, возглавляла движение «зеленых» и защищала от убоя даже комаров.

3

Этот вездесущий и всевидящий Борута вполне мог наблюдать за разговором губернатора с президентом, только другим, третьим глазом, поскольку после увольнения из собачников, колхозный ветеринар увлекся всякой чертовщиной, связался с городскими знахарями и его даже по телевизору показывали. Хвост у него отпал, но зато на лбу шишка вздулась, и светила народной медицины Шлопак обследовал его в прямом эфире, где подтвердил – скоро черепушка лопнет, откроется третье око, а сам Данила превратится в прямой канал, связывающий два мира.

Вообще-то сказ про Боруту, это отдельная история, поскольку он личность на Пижме, знаменитая, всем известная правдивостью. Сам Баешник иногда откровенно привирал, и делал это без злого умысла, а чтобы слушателя заинтриговать, чего никогда не скрывал. Но Данила к местным баешникам отношения не имел, и об этом на Пижме знали все: если он какую либо новость принес, значит, то и произойдет. Будто он действительно канал связи и ему кто-то сверху нашептывает, что в ближайшее время случится. На что уж сам Баешник предсказатель знатный, и если скажет – «завтра будет дождь, спину ломит», то ненастье непременно случиться. Или, например, его престарелая, выжившая из ума, теща с утра шерстяные чулки натянула, теплой шалью подвязалась – жди хорошей погоды, поскольку она всю жизнь поперечная.

Но тягаться с самим Борутой никто не в состоянии! За неделю вперед, как медведю Костыля пожевать, Данила предупреждал его, даже упрасивал, чтоб не водил прокурора на охоту – не послушал. Или вот откуда простому смертному туземцу, например, узнать, что в результате беседы президента с губернатором на Пижму придет самый настоящий король с принцессой?

Поговаривали, бабка Боруты тоже лешачихой была, то есть, дивой, откуда во внуке появилась любовь к лесу, зверью, чудесам и дар ясновидения. Дед же будто был цыганом, коновалом и колдуном, поэтому жил на острове в Доринском болоте. И фамилия у него подходящая: борутой или боровым в средней полосе России зовут леших. Но если так судить, то у нас пол России лешие, потому как в лесах живут, что тебе дивьё лесное. И самое распространенное, незлобивое ругательство – лешак, или леший тебя побери, особенно у вятских соседей.

Если считать через бабку, то Данила всего лишь в третьем колене был лешаком, поэтому немного подвыродился, в смысле роста: всего метра полтора с кепкой и в башмаках на высоком подборе – потому его в армию не взяли. Хотя при этом он силой обладал не вероятной, поистине, лешачьей! Не руки – паровозные маховики, свисающие ниже колен, плечи хоть и не широкие, но весь сухожилиями, перевитый, кремневый. По спору за деньги однажды лом в узел завязал, а за двойную плату – развязал. Еще в юности на призывной комиссии стул вместе с грузным доктором за ножку одной рукой взял, едва дотянулся и на шкаф поставил. И сказал, спустит после того, как тот бумагу подпишет, что годен к строевой без ограничений.

А Даниле до зарезу надо было попасть в армию, поскольку в юности он влюбился в девочку – Диву Драконю, приемную дочку председателя колхоза. Совсем еще юная, она выглядела вполне взросло и уже считалась первой красавицей в Пижменском Городке. Все женихи ждали, когда подрастет, и уже копытом били, фотокарточки в кабине тракторов вешали. Борута же ростом не вышел и был ниже ее на полторы головы: Дива такой дылдой вымахала, редкий парень ей по росту подходил. Так вот эта гордая девица вздумала над ним посмеяться, сказала, отслужишь в армии, приходи, поговорим, может, подрастешь или станешь героем – не посмотрю, что короткий. Лучше героем стань, люблю, когда совершают подвиги, дескать, меня не просто высватать надо – чем-то покорить, завоевать, тогда я ни на что не посмотрю.

Знала ведь, зараза, что не возьмут в армию, и не взяли!

Доктор, сидя даже на шкафу, не подписал, вызвал милицию и Боруте вместо армии дали пятнадцать суток. Здесь он и познакомился с настоящими залетными гастролерами, приехавшими ограбить тотемский банк, но случайно посаженными за мелкое хулиганство в ресторане. И для начала подрался с ними – один против пятерых бугаев и всем наколотил так, что короткого на вид, парня отъявленные «медвежатники» зауважали. А им до зарезу требовался такой неприметный свиду, пронырливый силач – сейфы ломать и в форточки лазать. Вот они и взяли Данилу в свою банду да увезли с собой в южный город Сочи. Что делать, если в армию не берут, а приключений страсть как охота? У Боруты же была мечта: когда-нибудь заработать денег и купить себе мотоцикл, хотя бы «Восход» – была такая популярная марка. Приехать в родную деревню, посадить Диву и прокатить с ветерком, чтоб у нее душа зашла!

Когда он первый сейф вспорол топором, будто консервную банку, то сразу купил красную «Яву» и хотел рвануть к себе на Пижму, Диву катать. Бандитская жизнь ему категорически не нравилась, тянуло в лес, к колхозным и диким животным, однако законы в банде были строгие, могли прирезать или пулю в живот засадить, чтоб в муках умирал.

Ветеринарное дело у Боруты было наследственным, его дед-цыган, тот самый, что будто бы с лешачихой жил, слыл лучшим коновалом. А отец его уже в колхозе работал, всю жизнь быков и поросят кастрировал да коров искусственно осеменял, и сына к этой работе прирастил. Поэтому Данила все-таки решил сбежать из банды, не взирая на угрозы, и только подгадывал момент. И тут помогли опера, всю шайку схватили в каком-то кабаке, где «медвежатники» награбленное прогуливали. Боруту они с собой не брали, по-отечески считали еще молодым, чтоб просаживать жизнь в ресторанах, мол, купили тебе забаву – мотоцикл, вот и катайся до следующих гастролей, когда понадобится. Он, как только узнал, что всю банду повязали, сел на «Яву» и только пыль завивается. Но в Ростове Данилу схватили – кто-то выдал, и посадили его на нары, по молодости дали четыре года.

Так или не так все было, на Пижме знали из рассказов самого Боруты, а он тогда еще не был каналом и мог слегка приувеличивать, чтоб распустить о себе славу грозного бандита-медвежатника, почти все люди малого роста этим грешат. Но судя по наколкам, в тюрьме Данила сидел, и срок отбывал там же, на юге, а при лагере был огромный свинарник, куда бывшего колхозника и определили. Там оказался зэк, преподаватель ветеринарной академии, который узрел интерес Данилы и взялся натаскивать его своему ремеслу. За четыре года выпестовал специалиста, только институтских корочек не хватало. Зато справка была, что прошел курс обучения под руководством этого известного ветеринара и его рукой написанная. Так что зона пошла на пользу Боруте во всех смыслах.

А еще он послал больше тысячи писем Диве, отправляя их через «волю», то есть, минуя лагерный контроль, где красочно описывал свои военные подвиги сначала в Сомали, затем в Афганистане. И так поднаторел сочинять всяческие боевые истории, что сам уже начинал верить, что воевал снайпером, много чего повидал и испытал. Дива же ничуть не сомневалась, что Данила воюет, но отвечала изредка, рассказывая про колхозные дела. И ни строчки о личном, поэтому Бурута тешил надежду, что она все же его дождетя. Но младший Драконя, тогда уже Герой соцтруда, откуда-то узнал, что земляк не в окопе сидит – на нарах, и прислал на колонию ходатайство, что заключенный такой-то будет немедленно трудоустроен в колхозе и взят на поруки, если его досрочно освободят. Боруту не освободили, статья была тяжелая, поэтому, когда он вышел на волю по окончанию срока, то получил направление в родную «Красную Пижму» – колхоз так назывался.

И только тут узнал, что Дива вышла замуж за Алфея Никитича, который был тогда главным зоотехником. Всех людей выше себя ростом Бурута ненавидел либо относился с подозрением, а младший Драконя был двухметровым гигантом и, конечно же, приемная дочка предпочла его, тем паче, выросли они в одной семье. Алфею тогда было за тридцать, а Диве всего семнадцать: говорят, не женился, ждал, когда она подрастет. Бурута тоже стал ждать, когда

соперник изработается и умрет. Он знал пословицу – от работы кони дохнут, видел, что многие молодые мужики скоро погибают от чрезмерного переутомления, поэтому берег здоровье и ждал срока. Однако соперник лишь здоровел, получал награды, должности и когда изработался и умер старший Драконя, младший занял место председателя. Данила тогда работал в колхозе ветеринаром-осеменителем, и отношения с Драконей были хорошие, никто и не подозревал, что в Боруте страсти кипят. Скоро Алфей Никитич заработал вторую звезду Героя, бюст на родине, а Дива одну за одной родила ему трех дочерей и надежды Данилы растаяли.

Тогда прошедший бандитскую школу, Бурута решил убрать председателя, взял ножик, лопату, скараулил на лесной дороге и выкатился навстречу, будто леший. А Драконя машин не признавал, верхом ездил, на крупном жеребце. Конь с испуга на дыбки взвился, так внук известного коновала уронил его одним ударом. Что потом произошло, Бурута сразу и не понял: председатель из седла не вывалился – жеребец будто уменьшился до размеров ишака и выскочил из-под седока. Драконя так и остался стоять на ногах. И по свидетельству правдивого Боруты, вырос вдвое! Сгреб он Данилу, зажал чуть ли не в кулак и спрашивает:

– Что это с тебя потекло?

Тут потечет, когда соки жмут! И слова в ответ не сказать, дышать нечем.

– Ладно, – говорит председатель. – Повиси да обсохни!

Согнул сосну, отломил сук и повесил зашиворот, сам же снова сделался обычного роста, поймал коня и уехал. Данила висит и дыхнуть боится: ватник трещит, ни рукой, ни ногой не шевельнуть, ствола дерева не достать, а до земли метров десять, навернешься – костей не соберешь. Так часа три прошло, помощи ждать неоткуда, по этим чертовым дорогам и так редко ездят, тут же дело к ночи.

И вдруг почувал, как в копчик словно буравчик свернули, так сильно защекотало, но не почесаться! Бурута потерпел-потерпел – уже не в моготу! Потом осторожно глаз скосил, глядь, а из штанов со спины вылазит какая-то лохматая веревка и шевелится, будто живая. Вылезла, дотянулась до сучка, на котором висел, и когда только обвилась вокруг, догадался – да это же хвост вырос! Крепкий, ловкий и чувствительный, как ладонь, особенно, его кончик. Данила, конечно, подивился этому, но из лекций своего академика-сокамерника знал, что подобное явление вполне возможно. В учебниках по генетике даже фотографии есть, хвостатый мальчик, например. В критической ситуации у Боруты включилась генетическая память, и вот тебе результат, люди же от обезьян произошли.

Бурута наконец-то дух перевел, затем руками к сучку потянулся, и тут телогрейка не выдержала, воротник оторвался. Данила бы рухнул вниз, но хвост выдержал! Разве что затрепал немного, и мускулистый, чуть сыграл, будто резиновый. Правда, при этом язык втянулся в горло, то ли от страха, то ли напрямую как-то был связан с хвостом. Бурута достал руками ствол дерева, обнял его, отдышался и тогда только понял, что спасен.

Он спустился и побежал домой, но тут обнаружил, что хвост, сослуживший ему службу в воздухе, на земле мешает, волочится по грязи, цепляется за кусты и вообще по характеру не управляемый, ведет себя, как ему хочется. И к своей хвостатости еще надо привыкнуть, приспособиться, как и где его носить этот результат генетической памяти. Обезьяне или коту, например, легко – задрал вверх и ходи, а от человека с хвостом еще шарахаться начнут, каждому про Дарвина не объяснишь.

Данила скрутил его в моток, как веревку, запихал сначала в штаны, однако идти мешает, или норовит в штанину провалиться, а там в сапог и под пятку, наступишь – больно! Опять скрутил, засунул под куртку, однако без дела хвост вялый делается и все время выпадывает, путает ноги. А если его напрягать, то он как шило, протыкает, рвет крепкий брезент на спине и торчком становится. Наконец, придумал, куда девать – вокруг талии обмотал, словно кушаком подпоясался, и конец изолянтной прикрутил.

Пришел домой, тогда Борута уже переехал в леспромхозовский поселок, и стал испытывать хвост, сначала на грузоподъемность – колесо от легковушки поднимает, мотоцикл полминуты на весу держит! Потом зацепился за потолочную балку, поднялся над полом и завис, как космонавт в невесомости. Баешник тогда случайно зашел к соседу и застал его, висящим под потолком, сначала испугался – не удавился ли? И если удавился, то как-то странно, не тем концом своего тела. А Борута ему сверху говорит:

– Молчи, что видел! Никому ни звука, иначе порчу наведу.

Так Баешник и узнал про хвост. А Данила слово с него взял, спустился на пол и начал хвастаться, мол, не только тяжести поднимать, на ловкость проверил – цены хвосту нет! Чугунок из печи вынимает, стакан держит, причем, может с полки достать и вставить не надо, ложку со стола берет! Только вот почему-то не ко рту несет, а куда-то назад, но ведь приучить можно. Единственное, холода боится, ночью под одеяло лезет и спать мешает.

Одним словом, Данила оценил, что хвостатому жить гораздо легче, особенно если рукодельем занимаешься, плотницким либо столярным делом: бывает, гвоздь надо подержать, а нечем! Из колхоза он тогда уже уволился, ветеринарной работы в другом месте не найти, и Борута по-первости пошел шабашить. Костыль тогда активно базу строил, гостевые домики ставил, а топор в руках у Данилы хорошо держался, но умел он только сейфы рубить. В бригаду плотников не взяли, и тогда он нанялся подсобником – лес на срубы закатывать, поскольку сила была богатырской. С хвостом, так и вовсе красота, лебедки не надо, подкатил, затянул бревна на сруб и к другому пошел. Только чтоб никто не видел и лишних вопросов не задавал, можно по ночам работать. Охотовед не оценил трудолюбие шабашника, но зная о его ветеринарных способностях, предложил работу егеря-собачника. То есть, отдал под его начало всю псарню и притравочных зверей, медведей и кабанов. А еще казенный карабин и клетку на колесах – переоборудованный «УАЗ», чтоб зверей на притравку собак вывозить. И зажил Борута, как бывало в Сочи, даже «Яву» себе купил, уже нового образца, поскольку мотоциклы по прежнему обожал.

Но как шила в мешке не утаить, так и хвост в штанах: кто-то подглядел, как Данила кормит медведя. В клетку к нему он по началу входить опасался, поэтому загибал конец хвоста крючком, ставил тазик с едой и подсовывал в кормушку. Медведь, и тот смотрел удивленно, зная, что у человека всего две руки и не бывает хвостов. И вот подсмотрели и доложили Костылю, что собачник хвостатый. Тот сначала не поверил, хотя Борута внешне походил на обезьяну, но когда увидел хвост, кроме основной работы предложил шабашку. Надо было за деньги показывать клиентам всякие фокусы или даже просто два часа сидеть голым в клетке, демонстрируя возможности хвоста. Он даже придумал псевдоним Даниле – Див, мол, ты изображай настоящего лешего, отловленного в местных лесах.

Скрывать свои вновь открывшиеся физиологические качества уже было невозможно, а предложение охотоведа ему понравилось, поскольку Данила мечтал купить знаменитый «Харлей» и настоящую униформу байкера. Когда гости после охоты собирались на базе, Борута раздевался, садился в клетку, брал в руки книжку, читал, а сам тем временем выделял всяческие упражнения хвостом. Поднимал двухпудовки, подвешивал себя к потолку, не выпуская книги из рук, лазал по карманам ошеломленных зевак и щекотал женщин, забираясь под юбки. Фото рядом с клеткой можно было сделать за отдельную плату, а за тройную Данила выходил на волю и обнимал клиентов, в том числе, и хвостом. Тогда снимали два вида – спереди и сзади.

Уже через полгода Борута осуществил свою мечту, отпустил могучую бороду и разъезжал на «Харлее» по местными дорогам. Колхоз вместе с Драконей тогда загибался от нищеты, резали дойных коров, распродавали технику, а бывший ветеринар благоденствовал – от местных девок и женщин отбоя не было, приставали, прокати или покажи хвост. Но эта любовь к мотоциклам и сыграла злую шутку. Однажды Данила повез покатать молодую фельдшерицу, а чтобы пассажирки не вылетали из седла на ухабах, он притягивал их к себе хвостом, попутно

щекоча щекотливые места. Эта же сама знала, где щекотать байкера, расслабила Боруту, вот он и распустил хвост. Тот же возьми и намотайся на колесо. Один рывок, и как не бывало! Под самую репицу оторвало, разве что корешок остался.

Фельдшерица перепугалась, хвост с колеса сняла, после чего они поспешили в медпункт, где пытались приживить, прикрепить к репице, но для этого требовалась сложнейшая операция. По слухам, в то время хвосты пришивали только в Израиле, куда уехало много советских хирургов. Разумеется, хвост не прижился и новый больше не отрос, Боруту перевели в собачники с простым егерским окладом, а с потерей забавы с клеточным дивом приток клиентов на базу резко упал. Костыль обвинял во всем Данилу, и у них началась сначала тихая вражда.

И вот в позапрошлом году на Пижму приехал известный народный целитель Шлопак, будто бы местных бабок полечить, воду зарядить и самому силой подпитаться от деревьев и самой местности. Медпункт к тому времени закрыли, уволенная фельдшерица коз завела, и все теперь выгоняли хвори возле телевизоров, либо звали Боруту, помня, что он ветеринар и в медицинских делах понимает. Он и в самом деле начал лечить, но испытывал недостаток знаний, давал советы, что и сколько пить, наугад, повинувшись интуиции, и даже не мечтал, что судьба сведет его с самим народным академиком.

Оказывается, была у целителя еще одна цель, тайная – поискать в глухомани, среди замшелых туземцев знания и знатоков народной медицины, настоящих колдунов, рецепты всяких чудодейственных снадобий, заговоров, приворотов – в общем, все то, что еще не так давно считалось дурью и мракобесием. Вчерашние комсомолки и ныне сельские бабушки уже несколько лет лечились возле телевизоров, столичного лекаря знали в лицо и потянулись к нему чередой, как к батюшке, когда тот приезжал. К священнику они входили, как к богу, у порога падая на колени, и крестясь на него, как на икону, норовили руки целовать; перед Шлопаком делали тоже самое да еще и оголялись, помня, что так положено перед доктором. От старушек он и услышал, что на охотбазе есть егерь, который в прошлом был ветеринаром, и самое интересное, хвостатым! Однако то ли хвост сам отпал, то ли он избавился от него хирургическим путем, поскольку умеет делать операции скотине, точно не известно. Говорят еще, девки оторвали – короче, лишился предмета, коим деньги зарабатывал. И еще поведали, мол, его бабка то ли ведьмой была, то ли дивой и дед – цыган-коновал.

Как раз такой человек и требовался Шлопаку!

Лекарь разыскал Боруту, обследовал его репицу, которая уже давно зажила и короста отвалилась, а так же заспиртованный в бутылки, скрученный в моток, хвост, длиной в один метр семьдесят четыре сантиметра. И пришел к выводу, что Данила не правильно эксплуатировал его, не берег, потому он сильно перетерся у копчика и оторвался. И отругал, дескать, допустимо ли было им бревна поднимать и двухпудовые гири? Если тебе посчастливилось отрастить хвост, то носи его с честью, как украшение, а деньги зарабатывать можно одной лишь его демонстрацией, без поднятия тяжестей.

А еще Шлопак взял анализы и установил, что сам Борута относится к племени людей недостающего звена, не найденного Дарвиным. То есть, переходная особь от обезьяны к человеку разумному. И это вовсе не означает, что он отстал в развитии; напротив, представители этого племени обладают уникальными природными лекарскими способностями, телепатией, ясновидением, возможностью перемещаться в пространстве и еще знают язык зверей. В общем, владеют божественными талантами, давно утраченными человеком разумным.

Сначала Шлопак хотел увезти его в Москву вместе с заспиртованным хвостом и там проводить сеансы на телевидении, однако Данила своим диким чутьем заподозрил не ладное, вспомнил бандитов, Сочи и отказался напрочь. Да еще заявил целителю, что сам опытный ветеринар, долгое время со скотом работал, лечил, а меньшие наши братья по внутреннему устройству очень похожи на людей, и болезни бывают одинаковыми. Столичный лекарь оценил опыт Боруты, его природные возможности и решил организовать на Пижме целую научную

лабораторию или даже создать филиал академии народного целительства. Тут отовсюду источалась сила земли, чего неразумные туземцы не замечали и жили как обычно, не используя природных качеств местности и своих организмов.

Борута на ходу сочинил себе биографию, заявив, что отбывал срок не по уголовной статье, а за убеждения, мол, занимался нетрадиционными видами лечения. В общем, прикинулся страдальцем, был произведен в академики Академии народного целительства и они со Шлопаком начали обследование всех проклятых мест на Пижме. Это для людей несведущих, темных и ортодоксальных места бывают таковыми, а для специалистов по паранормальным явлениям они кладезь знаний, объект для изучения. Почти год два академика ездили по району и вставляли лагерь возле гнилых болот, мертвых омутов, лысых гор и там, где по преданию жили колдуны или совершались чудеса, произведенные нечистой силой. В частности искали место, где стояла деревня Дор: по преданию там жили одни кудесники, волшебники и чародеи. Однако никто даже примерного расположения ее не помнил, посылали на одно из топких болот, дескать, этот самый Дор ушел в трясину вместе с жителями.

Академики ездили по всей Пижме, замеряли поля самодельными приборами, проводили испытания со своими и чужими тонкими телами и энергиями, занимались лозоходством. И выявили много аномальных зон, вместе с приглашенными телевизионщиками сняли несколько передач, прославивших Пижму чуть ли не на весь мир. Однако везде находили только следы нечистой силы, признаки ее воздействия на природу, загадочные явления, но ни одного лешего, ни русалок с кикиморами, ни ведьм так и не обнаружили. Все проклятые места взяли под надзор, в том числе, и видеокамер, а сами занялись лечебной практикой. Исцелять бабушек на Пижме оказалось легче всего, ибо доверчивые, они выздоравливали от заряженной воды и хлебных зернышек. Академики буквально, чудотворствовали!

В первую очередь Шлопак стал лечить самого Данилу, точнее, его копчик, полагая, что если однажды хвост отрастал, то отрастет и во второй раз, коль есть природная предрасположенность. Курс был терапевтическим: целитель вешал Боруту зашиворот на то самое дерево, где впервые обнаружился хвост, и держал так несколько часов. Его уникальная природа должна была вспомнить первобытное состояние и толкнуть силы организма на воспроизводство хвостовых позвонков. Сначала он висел в альпинистском снаряжении, потом задача усложнилась, лекарь стал вешать его, как Драконя – за воротник ватника и уже без всякой страховки. Древняя генетическая память никак не пробуждалась, хотя Данила каждый раз испытывал страх и однажды чуть не рухнул, когда затрещала фуфайка. Было время повисеть, подумать и он все больше склонялся к мысли, что дело тут не в его природе, а в чародействе председателя, весь род которого связан с нечистой силой. Алфей Никитич наколдовал и отрастил Боруте хвост, чтоб посмеяться, но оказалось, устроил его судьбу, можно сказать, сделал счастливым человеком. И только неразумная беспощадность к собственному организму подвела, хвост перетерся, оборвался там, где было тонко, и теперь никак не хотел отрастать.

Данила поделился своими соображениями с целителем, а тот уже давно заметил странное поведение председателя и особенно его жены. То, что Драконы водятся с нечистой силой, всем было известно, они даже этого не скрывали и все время здоровались с духами. Кто ходил с ними по грибы-ягоды, все слышали и видели: придет в лес старший или младший, непременно скажет:

– Здравствуй, батюшка див! Дай твоих грибов побрать! Зимой похлебкой угощу.

Если наемни в лесу пусто было, даже мухомора не видать, тут же на глазах белые полезли, обабки, рыжики и даже грузди. На болоте же еще и поклонится:

– Здравствуй, матушка кикимора! Позволь твоей морошки порвать! Зимой придешь, чаю попьем.

И весело так с ними разговаривает, пока собирает, иногда какие-то птичьи звуки издает, а ему как эхо, отвечают.

Оба супруга до сих пор шастали ночами по пижменским просторам и каждый сам по себе: верхового Драконю можно было встретить в полночь на холмистых зарастающих полях, а его жену в лесу или на реке, и непременно с бидончиком молока. Дракоши, то есть, зятя председателя, тоже чем-то промышляли, шныряли по ночным просторам и всегда вооруженные до зубов. То ли браконьерили, то ли напротив, охраняли свои угодья, поскольку все леса и поля в округе, вся флора и фауна формально принадлежали ферме. Борута и сам любил бродить по ночам, поэтому все видел и слышал, и однажды чуть не столкнулся возле омута на Пижме с Дивой Никитичной, которая на его глазах вылила молоко в реку.

– Зачем ты льешь молоко? – спросил он, все еще испытывая притягивающие к ней, чувства.

– Русалок пою. – призналась Дива.

– Я бы тоже не отказался! – чтобы завязать разговор и вспомнить юность, сказал Борута.

– Добро, – отозвалась она. – В следующий раз встретишься, тебя напою.

Сказала как-то многообещающе, с тайным намеком – сердце затрепетало, и копчик зачесался. Но Дива Никитична всполохнула бидончик водой и ушла. А дело было ранним утром, от белой реки молочный туман поднимался. Данила глянул в парную воду, а там девы с рыбьими хвостами и зелеными волосами, ловят белые струи, молоко пьют!

Сколько раз потом ходил на это место один, и Шлопака водил, так больше русалки и не всплыли из глубин. Сам пробовал молоко лить, и целое ведро извел – хоть бы хвостом плеснула.

Наблюдение за Драконей и его женой ничего конкретного не дало, и тогда они решили пойти к председателю с повинной и на поклон, чтоб свел с нечистой силой, например, с лешим или ведьмой, от которых можно научиться чародейству и всякому колдовству. А лучше с обоими сразу! Взамен же они готовы были выполнять любую работу на ферме. Председатель тогда уже больной был, но их выслушал с серьезным видом, заметно было, зла не держал, и даже про хвост Боруты не напомнил. В то время за глаза многие над ним посмеивались, а мальчишки так и вовсе играли в хвостатых леших, иные смельчаки дразнили, показывая в присутствии Данилы веревочные хвосты или даже самодельные рога. Городские байкеры узнали про хвост и однажды подарили сельскому коллеге немецкую рогатую каску, в которой Борута теперь катался на «Харлее», напоминая черта.

Колхоз к тому времени давно извелся, Алфей Никитич заделался фермером и дела у него шли в гору, рабочая сила требовалась до зарезу, а местные мужики обленились, считали за позор работать на частника-кулака. Вместо малоудоистых колхозных буренок Драконя развел стадо импортных, теперь наращивал поголовье – с явным участием нечистой силы, конечно, поскольку зарубежные коровы приносили по двойне и только телок. И без всякого искусственного осеменения – только натуральным образом, то есть, с помощью чистопородного быка. Однако самодеятельных лекарей к своему стаду Драконя не подпустил – выписал ветеринара из Франции, а Диву отправил на целый год в Европу – учиться сыродельному мастерству. Академиков-добровольцев он загнал в катакомбы, рыть подземную камеру, где будут созревать твердые сорта сыра, но и то с испытательным сроком.

Два месяца Борута со Шлопаком копали в горе подземелье, вытаскивая грунт вручную, и за этот рабский труд не получая ни копейки – за кормежку вламывали, да за будущую науку. Драконя хоть и болел, но всюду был со своими работниками, сам за троих пахал и еще учить успевал, но не чародейству, а как кайло в руках держать и слежавшийся грунт отбивать. Срок они выдержали и вскоре были приставлены к более легкому труду и за мизерную плату, убирать навоз из коровника: система навозоудаления была еще не запущена. Потом началась посевная, покос, заготовка силоса, строительство ангара для кормов, ремонт техники, валка леса, земельные и бетонные работы. Всего даже не перечесть, что пришлось делать, лекари никогда в жизни столько не трудились, причем, с раннего утра и до позднего вечера, да еще без выходных. Дра-

коне-то что, он привычный, а тут руки-ноги болят, спина отваливается, а работе конца и края нет. И наконец, не выдержали, спросили, когда же начнется обучение колдовскому ремеслу.

– Обучение давно идет! – заявил Драконя. – Разве это не волшебство? Я почти бесплатно половину сельхоз объектов построил. Не было ничего, и вот оно, стоит! Как по мановению волшебной палочки.

– Это ваши интересы. – сказал начитанный столичный лекарь. – А когда исполнишь наши?

Они как-то забыли, что имеют дело с дважды Героем соцтруда, тот и принялся загибать пальцы:

– За неполный год вы освоили горнопроходческое дело, работу на технике по заготовке кормов, сварочное и слесарное ремесло, валку и трелевку леса, даже говноуборку. Фундаменты научились ставить, дома рубить! Да разве это не волшебство? Вы же сейчас мастера, чудотворцы! Вас где хочешь, с руками оторвут. На что вам колдовство?

Те почували, что их хотят на мякине провести, или по столичному – кинуть.

– Хотим получить науку, как договаривались! – заявили они. – Своди нас с лучшим или ведьмой. А лучше с обоими сразу! Но чтоб по взаимной договоренности, с гарантией преподавания знаний.

А Драконя уже и тогда маялся с сердцем, по болотам ходить не мог, однако же согласился.

– Добро. Но чтоб потом не жаловались, претензий не приму.

И наконец-то академики услышали о месторасположении Дора от знающего человека. Деревня колдунов оказалась не так и далеко от Пижменского Городка, только давно брошенная и даже домов не осталось. Когда началась коллективизация, ее жители будто погрузили свой остров в трясину и все утонули. Но был и такой слух, дескать, чародеи сожгли дома и разбежались по лесам, оставив заклятье – кто посмеет пробраться на Дор, или хуже того, поселится на острове, тот помимо своей воли повяжется с нечистой силой. Старики про заклятье помнили, а молодые скоро забыли, бегали на болото за клюквой, морошкой и хоть бы что. Борута слышал об этом, и сводил бы Шлопака, но где конкретно стояла деревня колдунов, никто указать не мог, а болото большое, на нем десятки островков, поди сыщи, на котором деревня стояла. После тридцатых годов все так заросло, задерновалось, замшело, что и следов не осталось, или впрямь провалилась в трясину. Данила с целителем побродили по мари, ничего не нашли и уехали в другие места.

Тут же Драконя привел их на Доринское болото, где чернели жуткие окна воды среди гиблых трясинных полей и зеленые островки леса, выросшего на моренных холмах. Говорили, тут когда-то озеро было глубокое, называлось Доринское. Кто-то утверждал, будто его сами колдуны высушили, превратили в топкое болото, чтобы попы не ходили, но был слух, что перед войной мелиораторы взорвали перешеек и спустили воду в Пижму, чтоб удобрение – сапропель черпать. Иные грешили и на Драконю-старшего, который якобы сделал надежное убежище для всей нечести, чтоб жила в недосыгаемости. В общем, озеро исчезло, и ничего полезного из этой мари не добывали, если не считать замшелого щучья, по слухам, обитающего в окнах, ягоды-морошки да клюквы.

Так вот председатель провел академиков на один из остров, показал сначала мшистые ямы с головнями и углем, затянутые малинником и бузиной.

– Здесь Дор стоял. Но он вам не нужен! Пошли дальше.

Перевел через следующую трясину на другой остров, повыше и посуше, там сдернул мшистый ломоть с огромного валуна и показал знаки.

– Жертвенный камень. – сказал при этом. – Что на нем изображено, вам лучше знать. Оставайтесь здесь до утра, и будет вам наука. Утром приду и выведу.

Академики как глянули на знаки-то – мать моя, вся ледниковая глыба руническим письмом исписана! Если расшифровать – все знания можно получить! А поверх древнего письма

начертаны церковные купола, кресты и уже по ним – пятиконечные звезды: вся борьба идеологий отразилась. Борута тогда еще не понимал, что это значит, но по бледности лица Шлопака определил, попали, куда надо. Сам же Драконя ни слова больше не говоря, ушел и оставил академиков одних.

Пока было светло, целитель изучал надписи, срисовывая их в блокнот – фотографировать камень было нельзя по правилам исследования аномалий, будто бы от съемки исчезала какая-то тонкая материя. Глаза его стали безумными, академик лишь что-то шептал и ничего не объяснял. Но когда стемнело, решил уйти с этого островка, поскольку оставаться на нем в ночь было опасно, священный камень был древним алтарем на капище и по уверению Шлопака излучал энергию, по мощности равную энергии египетских пирамид. Уже в потемках они сунулись было к острову, на котором Дор когда-то стоял, но провалились в трясину и едва выбрались. Дело было осенью, спички замочили, костра не развести, хорошо, с собой фляжка со спиртом была. Данила слегка прогрелся изнутри и снаружи, но великий трезвенник и борец с алкоголем Шлопак пить отказался наотрез, натирать грудь и ноги тоже, и чуть его не вылил. Отошли подальше от алтаря, залезли под выворотень, соорудили гнездо и вздумали ночь прокоротать, однако целителя колотит – где здесь уснешь?

Тут и началось! Вдруг на острове, где Дор был, петухи заорали. Кричали эдак минут пять, угомонились, и слышно, там музыка заиграла, свирели, бубны, жалейки, гудки: в общем весь старинный набор инструментов. Потом огни вспыхнули и пляски начались у костров! Академики знают, там никого не должно быть, а люди прыгают, скачут, орут какие-то заклички, будто призывают кого-то. Шлопак аж задрожал весь – то ли от страха, то ли от радости, что слышит и видит то, что искал. Может, и от холода, поскольку оба мокрые были, накупавшись в трясине, и еще студеной туман поднялся.

И здесь из болота между островов встает нечто белое, по фигуре, так женщина, стоит она на обыкновенной телеге, обращена лицом к академикам. Борута не испугался, не зажмурился и узнал – да это же Дива Никитична! В белом халате, как обычно она ходит у себя на маслозаводе, в такой же косынке и в руке – бидончик с молоком.

А целитель колотиться перестал и шепчет:

– Кикимора! Так вот она какая...

– Сам ты кикимора. – панибратски проворчал Данила. – Это жена Дракони, Дива...

– Это кикимора из болота восстала! – уверенно заявил Шлопак и достал блокнот, чтоб ее срисовать.

Только тут Борута и разглядел, что она велика ростом и одета в сверкающую, колючую сутану – будто толченым стеклом обсыпана!

– Все равно похожа на Диву Никитичну...

– Что у нее в руке? – спросил целитель. – Какой-то цилиндр? Или свиток?

– Бидончик. – определил Данила. – Алюминиевый, трехлитровый...

Шлопак встрепенулся.

– Это похоже на серебряный сосуд! В котором древние алхимики хранили свои знания!

– Да какой сосуд? Обычная тарка, на ферму за молоком ходят...

– Подумай сам: зачем она на болото пошла с бидоном?

– Да она всех молоком поит, блажь такая у бабы. Заодно проверяет на оборотничество.

– А как?

Все, о чем рассказывал Борута, Шлопак считал тайными знаниями предков и их записывал. Поэтому новоиспеченный академик если что и присочинял, то обычно для образного выражения.

– Оборотни парного молока не выносят. – сообщил он. – Испытуемого надо облить парным или покропить. Если оборотень, сразу же обернется, кем был. Однажды даже скандал

случился на партийном собрании колхоза. Дива прыснула молоком на инструктора обкома, тот превратился в филина и улетел в окно.

– Молоко – вместилище вселенской мудрости! – благоговейно произнес целитель. – Символ божественных откровений! Млечный путь. Вот бы вкусить хотя бы глоток!...

Кикимора будто услышала его, протянула бидон и другой рукой к себе поманила. Мужики переглянулись и напряженно замерли.

– Интересно, кого она манит? – с дрожью в голосе спросил целитель, однако же не теряя ученой мужественности. – Кого выбрала? Тебя или меня?

– Наверное, меня. – признался Данила. – Она давно обещала парным молоком угостить.

– Почему тебя?

– По кочану! У нас в юности с Дивой любовь была...

– Вместе пойдем. – заявил Шлопак, глянув пытливо. – В таких ситуациях лучше всюду ходить вдвоем.

Не смотря на свои чувства, Борута с ним согласился: подойти к самой дракониной жене, когда она в образе кикиморы, да еще среди ночи было опасно. Даже если она манит! От внезапного контакта с ее мужем хвост вырос, тут же вообще не известно, что наколдует Дива Никитична. Очнешься от морока, а у тебя хобот или рога пробилась – с нечистой силой только свяжись!

Прошли они через болото к телеге и ни разу не провалились, будто по воздуху шли – понятное дело, под влиянием энергетического поля. Борута теперь не сомневался, что это Дива, хотя ростом возвысилась и вместо халата – блестящая одежина. Да разве Данилин глаз обмануть, коль она с отрочества ему грезится и во сне, и наяву?

А Дива подождала их, и эдак царственно говорит:

– Хотите молока? – и завлекательно так бидончик показывает. – Парное, теплое еще...

– Хотим! – в голос сказали академики.

– Тогда впрягайтесь, мои кони! Покатаете меня по болоту – получите.

Они оба почуяли ее безмерную власть, неожиданно для себя повиновались и впряглись – каждый взял по оглобле. Дива же поставила бидон в телегу, сама кнут взяла, коим и взмахнула над спинами:

– Н-но, вороные!

Академики потащили телегу по болоту, а колеса вязнут, не разгонишься. А эта кикимора еще кнутом шелкает, понукает, покрикивает, словно кучер:

– Рысью марш! Ишь, застоялись! Шевелите копытами!

Кое-как они разбежались, перешли на рысь, Дива же Никитична все равно стоит в телеге, машет кнутом и уже спин достает, норовит по ушам попасть.

– Вскач пошли! С ветерком прокатиться хочу!

Тучный столичный целитель выдохаться начал, но Борута напротив, силу почуял и понес – ветер впрямь засвистел в ушах. Кикимора развеселилась от скорости, белое одеяние на ней трепещет, всхлопывается, а сама она лишь кнутом пошелкивает то слева, то справа, указывая, куда телегу тянуть. Бидончик в телеге трясется, подпрыгивает, того и гляди опрокинется. Один круг нарезали по топкому болоту, второй, на третьем Шлопак начал падать. Вышел из под воли Дивы, то есть, пересилил ее энергетическое поле и шепчет:

– Давай ее свяжем. Пока нас не заездила. А сосуд захватим? Ведь насмерть загонит, ведьма!

Борута бы никогда не посмел так бесцеремонно обойтись с Дивой, но оглянулся, а в телеге вроде бы и в самом деле кикимора! Хохочет над академиками, шелкает кнутом потешается:

– Вы не кони вороные – мерины толстозадые!

К тому же Данила уже привык слушаться столичного целителя, в общем, сговорились, одновременно бросили оглобли. Они уткнулись в трясину, и Дива Никитична кубарем полетела

с телеги. И по инерции прямо мужикам под ноги! Тут они ее схватили, да сразу и бросили: с рук кровь потекла! Все ладони изрезали в лохмотья! А кикимора встала, отряхнулась и говорит:

– Экие вы глупцы! Привыкли Диву Никитичну лапать! А я не драконина жена – я дева-недотрога!

Незадачливые лекари стоят, понурившись, пытаются кровь остановить – тщетно. Она же опять кнутом щелкает, сердится:

– Берите оглобли! Да не шалите более. Накатаюсь, получите свой сосуд! Всякие знания заработать надо!

До самого рассвета катали они Диву Никитичну или кикимору, а может, ту и другую в одном лице: на Пижме вся нечистая сила на нее походила, потому как считалось, нельзя без вмешательства бесовщины так сохранять красоту и привлекательность. Академики уж готовы были взмолиться, попросить пощады, отказаться от всякой науки, ибо доведены были до полного изнеможения, но тут на острове, где Дор стоял, петухи заорали. Первый раз лекари оглянулись, вроде бы нет кикиморы на телеге, один только бидончик стоит, однако в глазах все плыло, туман густой, не разберешь. Когда же во второй раз посмотрели, а и самой телеги нет! Академики просто бредут по болоту и руки так держат, словно оглобли тянут. Но позади, там, где след тележный кончился, бидончик стоит! Все в тумане растаяло, только он, заветный, и уцелел!

Академики назад побежали, Шлопак схватил сосуд, открыл – полон парного молока, еще теплый на ощупь. Первым он и приложился, да чуть не весь выпил! Боруте пришлось стучать ему и по плечам, и по голове, чтобы оставил немного.

Целитель наконец-то оторвался от бидончика, где было всего-то несколько глотков. Данила попробовал – а это теплые, не успевшие загустеть после сепаратора, сливки! Еще коровой пахнут и по его гурманскому вкусу не самые лучшие, от увядающего осеннего травостоя.

– Это не молоко, – рассеяно произнес Борута. – Это же сливки!

– Потрясающе! – воскликнул целитель. – Нам преподнесли сливки с Млечного Пути. Вкуси же их, Данила!

Он всегда говорил так выпренно и поэтично, если даже речь шла о чем-либо земном и обыденном. Шлопак был романтической и возвышенной натурой, чего как раз не хватало Боруте.

– Как бы вреда не было. – усомнился он. – С непривычки...

Предупредить товарища хотел, однако вдохновленный целитель заговорил уже афоризмами:

– Знания приносят печаль, но не вред!

Данила выпил остатки, всего-то со стакан, и тут почувал зуд во лбу чуть выше переносицы – такой же стойкий, навязчивый, как на копчике, прежде чем хвосту отрасти. Руки теперь были свободны, он почесал, испытывая удовольствие, но через несколько минут, ощутил в этом месте напряжение, будто чем-то тупым давят изнутри черепной коробки. И когда петухи на соседнем острове наорались и смолкли, у Боруты на лбу выросла крупная, розовая шишка...

4

И вот королю с принцессой была обещана охота на этот сезон на самом высоком уровне, а на Пижме леший ходит! Это же международный скандал, если вместо медведя к Его Величеству выпрет див или дива! Мало ли что лешачьему отродью в голову взбредет, оно же не понимает ни чинов, ни титулов. Ладно, Эдика приласкать: литовского иностранца, все бабы целуют, а если принцессу чмокнет? Еще хуже – короля так же, взасос?!

В общем, губернатор озадачил Недоеденного вытравить эту тварь из пижменского края и сам озадачился, подключил своим столичные связи, и вот теперь из Москвы должна приехать целая бригада специалистов по работе со снежным человеком. То есть, ученых людей, которые будто бы умеют с ними обращаться. Но это вряд ли поможет, потому как в местных лесах бродит самый настоящий див, а не обезьяна, дикарь какой-нибудь или снежный человек. Туземцы, кто договаривался и приманил сюда лешего, кто знает повадки и нрав, помогать не станут, а самим ученым не сладить, будь они хоть академиками. Костыль в этом убедился: неугомонный, он на следующий день после охоты с губернатором велел егерям поправить лабаз, вечером на него засел и в сумерках леший опять явился. Только на корточках по овсу не ползал и горох уже не жрал; подошел в открытую с опушки леса и снес крышу с засидки. Охотовед пытался взять его на мушку и выстрелить, но оторопь взяла и тяжесть во всем теле, будто в мышцы воды закачали. Ладно, пожеванная левая рука, но и правая стала не послушной, замедленной, сигналы от головы не принимала. А див выудил из лабаза Недоеденного, обнюхал всего, фыркнул и швырнул в овес. Добро, тот спортом занимался, сгруппироваться успел, а то бы весь переломался. И хорошо еще вездесущий Борута оказался неподалеку. Третий глаз у него еще не открылся, однако он уже им подсматривал, стервец, и знал, что будет наперед! Дождался он, когда леший удалится, подбежал, сгреб Костыля, даже старой обиды не помня, положил в мотоциклетную коляску и скорее в Пижму.

Все равно охотовед сутки пластом пролежал, и когда немного поправился, вздумал с ним помириться, из врага друга сделать. Предложил ему должность инспектора, начальника над егерями, зарплату с губернаторскими надбавками, казенную машину и карабин, однако гордый колхозник отказался из-за своего непреклонного норова. Тут Костыль и заподозрил, что это собачник из-за обиды ему нагадил и зазвал лешего, однако всем известно, Борута здесь ни при чем. Он бы и сам рад вступить в контакт, да только лешему это без нужды: раз есть договор с мужиками, а Недоеденный в этом не сомневался, то чудище будет исполнять его в точности. Без ведома лешего ни один человек, тем паче, пришлый, в лес не войдет, гриба не сорвет – не то, что медведя взять.

Зарубина подмывало спросить, кто же они, эти мужики-туземцы, что со зверем договаривались и лешачиху пригласили в район, однако выдавать себя было рановато. Тетка же расчувствовалась, по-матерински прониклась к нему, считала, Зарубина бог послал, а то бы пришлось ночевать на обочине. Поэтому просительно произнесла:

– Человек-от почти за тыщу километров ехал. Нехорошо отправлять не солоно хлебавши...

– И чего ты предлагаешь? – грубо спросил ее муж и скрежетнул новопоставленными зубами.

– Дак может Драконину вдову попросить? Дракоши нынче овсы сеяли, и медведи у них все сосчитаны.

– Ага! Станут тебе дракоши чужого на своих медведей водить! Они москвачей терпеть не могут. Сама же Дива Никитична не поведет?

– Сама не поведет, но ежели попросить, даст зятя. Скажем, знакомый, в гости приехал...

– Лучше сказать, родня он нам, потому за него хлопочем. Кум, брат, сват, что-то в этом роде. А то не поверит.

– Скажем, будущий зять! – нашлась тетка. – Натахин кавалер!

– Ты женатый, нет? – спросил попутчик.

– Да холостой он. – уверенно заявила его жена. – Сразу видно!

– Откуда тебе видно? Ему ведь лет сорок! Видно, боксом занимался, эвон какой нос.

Нынешние девки таких любят...

– Я холостых мужиков сразу вижу. – похвасталась тетка. – От них дух такой исходит, ядреный...

– Да уж, – ревниво проворчал попутчик. – В комсомоле ты хвостом повертела...

Для тетки это была большая тема, и она попыталась переключить внимание мужа на Зарубина.

– Человек он хороший, посадил, повез и денег не спросил. Так бы перлись с сумками. Цего бы ему не помочь?... Скажем, Натахин ухажер. Натаха-то должна вот-вот приехать, с практики. Если уже не приехала! Пускай у Драконой и поживет. Зачем отдавать его Недоеденному?

– Почему тогда у Драконой? Где логика? Если Натахин кавалер?

Тетка смутилась и что-то прошептала мужу – тот сердито отпрянул.

– Да и хрен с ним, пускай пристаёт! Скорей бы уж кто-нибудь к ней пристал!

– Она же у нас девица! – возмутилась попутчица.

– Девица? А кто с дедом Морозом в обнимку фотался?

Жена ему рот заткнула.

– Ты что мелешь-то?! Сфоталась, ну и что? С ним все девки фотаются!

– А зачем в этом выставила, как его?...

– В интернете? Так это модно сейчас!

– Ну а почто голая-то снималась?!

– Почему голая? Это стринги называются!

– Ага, стринги: здесь черта и здесь черта. Больше нету ни черта...

– Натаха хотела показать, что ни деда, ни мороза не боится!

– Телеса она свои показывала. – обидчиво проворчал попутчик и умолк.

– Все равно, пусть вдова у себя поселит. – упрямо повторила жена, покосившись на Зарубина. – От греха подальше.

– Она поселит! И себе парня приберет! Любит приезжих...

Тетка вздохнула:

– И то правда... Но и к нам его тоже опасно. Залезет ночью к Натахе...

– Вот и будем до пенсии ее кормить, если никто не залезет.

– Будем, а что остается? Теперь зубы вставили...

Обсуждали это так, словно Зарубина не было!

– Мне все равно надо к Костылю. – не вытерпел он. – Лицензии к нему выписаны...

– Костыль тебя в лес не пустит. – заявил попутчик. – И охотиться не даст, пока приказ губернатора не исполнит, дива не изведет.

– А эти дракоши дадут?

– С дракошами тебя ни один леший не тронет. – вставила тетка. – Тем паче со вдовой.

Ей даже губернатор не указ.

– Как же так? – обескуражено спросил Зарубин.

– Дак Драконя-то был председатель! И Герой!

– Председатель чего?

– Как цего? Объединенного колхоза!

– Но ведь колхоз у вас развалился?

– Колхоз-то развалился. – восхищенно согласилась попутчица. – Да только Драконя каждый день отправлял в Тотьму молоковоз на три тонны. И еще один перерабатывал на своем маслозаводе. При вдове так еще больше стало.

– Откуда же столько?

– А этого никто не знает. – заявил ее муж. – Феномен природы. Известно точно, они дома только двух коров держит, этих самых тряпошных, французских. Чтоб детишек парным молоком поить. И еще нетелей на продажу. Которых волки режут.

– Колхоза нет, а надои есть?

Бывший всегда откровенным, попутчик начал темнить или толком ничего не знал и строил предположения.

– Колхоза-то нет. Да ведь земля осталась. Драконя можно сказать, с детства председатель. Его отец тоже был председателем, вот и научил. Сын далеко вперед смотрел, и перед самым крахом укрупнился – соединил три колхоза и леспромхоз в одно аграрно-промышленное хозяйство. У него столько власти в руках было – ого! Вся пахотную землю, выпасы, сенокосы, все под себя подгрел. Колхозные леса и гослесфонд впридачу! А еще со всех собрал холостых молодых специалистов и выдал за них всех трех дочерей. Чуть ли не в приказном порядке, одну свадьбу гуляли. Куда бы теперь Костыль не сунулся, председатель документы и карты на стол – везде его территория. Даже губернатор вынужден считаться. Поэтому Недоеденный арендует у него уголья, а в договоре все прописано. Вроде даже звери принадлежат колхозу «Пижменский Городок». Будто у Драконя каждый медведь с биркой. Костылевы гости стрелят зверя, станут шкурать, а него в ухе написано, чей. Так Борута говорит, сам видал...

– Может у вас и речка Пижма молочная, с кисельными берегами?

– Вроде того. – подхватила тетка и глянула на мужа с укором. – Сказал бы уж прямо, нечего человека водить вокруг да около...

– Сама и скажи! Я экономическую базу обозначил.

– От нечистой силы молоко. – заявила попутчица. – Говорят, стада Драконины пасет и кормит дивье лесное. И от постороннего глаза прикрывает! Потому и масло получается вкусное.

– Если пасет сила нечистая. – в тон ее мужу серьезно заметил Зарубин. – Молоко должно быть мерзкого качества. Тем более, масло!

– А ты занозистый мужик. – вдруг определил попутчик, защищая супругу. – Вредный, все с подковыркой... Или журналист, или из налоговой.

Зарубин вздохнул с сожалением.

– Не угадал... Хотя статьи иногда пишу... Просто любопытно стало, откуда столько молока? Я же когда-то вологодский Молочный институт закончил, зоотехническое отделение.

– Дак там наша Натаха учится! – изумилась тетка. – Ты местный, что ли? Вологодский? То-то я чую, как родной.

– Вырос в Грязовце. – с гордостью произнес Зарубин. – Есть у вас такой городок...

– Как же, знаем! – почти хором и весело воскликнули попутчики.

Дорога из Москвы лежала как раз через этот город, и он свернул с трассы, заехал, чтобы побывать возле дома, где прожил чуть ли не половину жизни. Когда-то там жила бабушка, у которой он воспитывался с шести лет – отец служил в конвойных войсках, и часто переезжал из одного лагеря в другой, поэтому Игоря оставили в Грязовце, чтоб ходил в одну школу. Раздолбанный, унылый и тщедушный городок еще называли Грязенбург, однако Зарубину он нравился. Можно было выйти из дома сразу в лес и собирать грибы, а в поле – землянику, что они с бабушкой и делали. Она и отдала его потом учиться в Молочный институт, поскольку всю жизнь проработала главным технологом на маслозаводе.

Бабушка давно умерла, поэтому он постоял возле дома, где жили уже незнакомые люди, посмотрел в окна на чужие занавески и отчалил на Пижму.

– А как в Москве-то очутился? – изумилась тетка. – Номера-ти у тебя московские! Всех наших после молочного по колхозным фермам разгоняли!

– Дальше учиться поехал. – уклонился от расспросов он.

– Теперь ферм-то нету, куда Натаха пойдет? К Драконой вдове на ферму – не возьмут. У них семейное предприятие... Девка умная и свиду – одно загленье! Жениха бы ей доброго и замуж отдать...

Зарубин прервал это откровенное сватовство.

– И где же все-таки фермеры берут молоко?

– Толком никто не знает. – опять заерзал попутчик. – Если всерьез, то говорят, в Кировской и Архангельской областях скупают, за свое выдают. Но тоже вранье, у нас напрямую и дорог-то нет. Чтоб скоропортящийся продукт возить. А туземцы коров давно не держат, молоко в магазинах берут...

Тетка чуть не выдала какую-то их тайну.

– Борута говорил, у вдовы дойное стадо где-то, от налогов спрятанное. И все эти тряпошные, породистые...

– Цыц! – оборвал ее муж. – Не наше это дело! Скажи еще, лешие пасут, лешахи доят...

Его жена примолкла, а он сам начал выдавать секреты еще похлеще.

– Вдова со своими зятьями между прочим под покровительством самого губернатора. Тот к ней тайно заезжает, будто бы парного молока попить, маслица прикупить...

– Какого маслица? – взвинтилась жена и по-медвежьки пышкнула. – И молоко он не пьет... С Дивой брильянты делят.

– Уши развесь и слушай! – прорычал попутчик. – Какие брильянты? Ты что мелешь?

– Которые хохлы копают! У председателя, когда жив еще был, под домом труба обнаружилась. Геологи нашли. Одна с нефтью, и одна с брильянтами.

– Ты что городишь? При постороннем человеке?

– Он же вологодский! Из Грязовца!

– Тогда во-первых, не труба, а трубка. – поправил муж. – И не с брильянтами, а с алмазами. Во-вторых, у Драконы под домом никаких полезных ископаемых нету! Ну откуда им взяться?

– А зачем в горе ходы роют? – шепотом спросила тетка. – Его отец еще рыл, сын рыл. Сейчас вдова. Целое метро выкопали! Не сами, конечно, хохлы работают, как рабы, в цепях закованные. По ночам из-под земли украинские песни слышатся...

Попутчик только головой потряс.

– Там у него хранилище! Для созревания сыра!

– Это он такие слухи распускает. – не согласилась жена. – На самом деле подземный завод, из нефти бензин гнать и всякие вещества. Сейчас все из нефти делают. Есть подозрение, и сливочное масло. А ты спрашиваешь, где молоко берет.

– Ну откуда у нас нефть и алмазы?!

– В Архангельской нашли, значит и у нас есть. – не сдавалась тетка. – Ломоносов не зря говорил! Только все Драконам досталось, потому как вся их порода связана с нечистой силой. От Героя труда звезды да бьюст остались. Алфей Никитич был местный олигарх!

Попутчик слушал жену, ерзал, стыдился, не зная, как ее остановить, и тут не сдержался, выругался и приказал молчать.

– Болтовня все! – заключил он. – Алфей Никитич отшельником жил вот и насочиняли! Был я у него в погребах. Там все плиткой сделано, как в лаборатории. Бабы в марлевых повязках ходят. И хохол всего один, который сыр варит. Цепь у него есть, только на шее, золотая и толщиной в палец...

– А что ты у него в погребах делал? – ревниво спросила жена, не найдя других аргументов.

– В понятия меня брали! – мгновенно оправдался тот. – Когда Недоеденный на председателя написал и комиссию прислали, из санэпидстанции. Помнишь, масло привозил?

– Масло не плохое. – справедливо оценила жена. – Купил тебя Драконя куском. Они любую комиссию купят! Вон даже губернатор не устоял перед нечистой силой. Кто его надоумил устроить родину деда Мороза?

– Причем здесь дед Мороз?

– При том, что тоже нечисть! А надоумил Драконя. Мол, как-то выживать надо, коль сельское хозяйство угробили, дураков заманивать, то есть, туристов из городов. Дескать, есть такой сказ в наших местах, как в самые трескучие морозы на тройке белый старик проезжал. Его и нынче видят многие. А это ведь он губернатору сказ про своего деда рассказал!

И тут тетка окончательно распалась, затмив талантом мужа-баешника. Оказывается Драконин дед родом не местный, а приехал невесть откуда на тройке белых коней в лютые январские морозы. Крытый тулуп на нем был красный, шапка с кунным мехом, но тоже с красным верхом, ехал, как барин, в белой кошеве, а кучером у него был молодой парень. Заехал он в Пижменский Городок, тогда еще нищий довоенный колхоз, поглядел, как люди бедно живут и стал подарки раздавать: ребятишкам конфетки, бабам красные косынки, а мужикам по стопке водки. А Новый год тогда еще не праздновали, елок не ставили и про деда Мороза только из сказок и знали. Народ бежит на площадь, радуется, и будто кто-то сказал, мол, старик этот – сила лесная, нечистая, а кто-то признал его за деда Драконю, вятского картежника, который каждую осень уходил пешком в города, с колодой карт в кармане и серебряным рублем. Говорят, до Москвы и Питера доходил, а назад всякий раз возвращался на тройке и с подарками.

Кем бы это старик ни был, пользу принес не сказочную – взял да своего внука, что кучерил, в Пижменском Городке оставил. И с такими словами:

– Люди добрые здесь проживают. Сделай их счастливыми.

На другой же день колхозники собрались и выбрали его председателем, сроком на один год, но оказалось пожизненно, поскольку нечистая сила ему помогала скотину растить, хлеба выращивать, молока надаивать. При Никите Драконе начали в пижменском краю лесовозные дороги строить, так председатель запретил тянуть прямые через пахотные земли, отвел неудобья, увалы, болота. Все, кто ездил в этих краях, кляли и костерили председателя, наматывая лишние километры и совершая невообразимые круги, а народу тут раньше было много, и не только колхозного, две мелиоративные колонны работали, рейсовые автобусы ходили в райцентр, самолеты даже летали из Тотьмы в Красную Пижму, леспромхозный поселок. Поэтому дороги все время спрямляли, отчего и появилось много разбитых проселков. На самом же деле у жителей было убеждение, будто Драконя-старший не о землях заботился, и уж никак не о людях; для нечистой силы дороги прокладывал, поскольку она любит жить в чащобах, веретьях и болотах, а председатель с нею был всегда повязан. В народе молва ходила, будто он договорился с мелиораторами и тайно спустил Доринское озеро, будто бы сапрпель добывать и поля удобрять, но на самом деле, чтоб превратить водоем в непроходимое болото – все для нечестии старался, чтоб ей спокойно жилось на моренных островах среди топей.

Но и кроме слухов многие сами наблюдали колдовство Дракони. Например, нигде грибов-ягод нет, у него полно, или как сено косить-убирать: кругом дожди льют – у него солнышко, и даже росы не выпадают. Точно так же и хлеб жать, лен дергать, озимые сеять. За счет этого Драконя-младший стал потом дважды Героем соцтруда и даже собственный бюст у себя на родине ему поставили. Сначала в вологодском парке, для народа, как пример добросовестного труда, а когда перестройка началась, перенесли и установили прямо напротив окон собственного дома, чтоб сам на себя любовался и идей социалистического труда не рассеивал в капиталистическом производстве. Правда, цветы к памятнику по праздникам теперь кладут только дочери, зятя, губернатор с его пристебаями, да нечистая сила, но все равно почет. Журналист из Вологды Тоха Хохолов уже лет сорок про двух Драконей статьи пишет, по телевизору

показывает, за что гонорары, премии получает все эти годы! Из международной организации «зеленых» такую отвалили, что машину себе купил – сам хвастался. Правда, на ней и в аварию попал, полгода на костылях шкандыбал потом.

А с женой, то бишь теперь со вдовой Алфея Никитича, тоже нечистая история была. Едет однажды Никита Драконя с полей, вдоль этого самого Доринского болота, а вечер был ясный – бабье лето в тот год аж на три недели растянулось! Едет, радуется, глядь – полная корзина на обочине стоит, осокой повязана. Думал, грибники забыли, какая-нибудь слабосильная бабуля набрать-то набрала, донести не смогла. Развязывает корзину, там ребенок совершенно голенький, на моховой подстилке спит, да так сладко – не разбудить. Привез домой, отдал жене, а наутро собирает колхозное собрание – кто младенца у Доринской мари оставил? Прошу сознаться и забрать пока не поздно. Иначе, мол, доктора привезу, и на поголовном обследовании тот сразу определит, кто родил. Тогда еще молодежи много было, одних незамужних доярок-свинарок человек пятнадцать. Даже замужние бабы сидят, глазами хлопают, переглядываются, одну повитуху послали, чтоб определила, чьих кровей будет новорожденная. Будто в первые дни жизни на лице ребенка еще заметен некий родовой знак, и кто умеет смотреть, тот его увидит. Повитуха глянула на младенца, пошушукалась со старухами, и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.